

Сергей
Шаповалов

Император

Книга вторая

Ушаков

12+

Сергей Шаповалов

Император. Книга вторая. Ушаков

«Автор»

2020

Шаповалов С. А.

Император. Книга вторая. Ушаков / С. А. Шаповалов — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-93135-0

Вторая книга романа "Император" рассказывает о героическом походе Черноморского флота под предводительством знаменитого адмирала Федора Ушакова в Средиземное море. Освобождение Ионических островов. Героическая битва за остров Корфу. Молниеносный бросок и освобождение Рима.

ISBN 978-5-532-93135-0

© Шаповалов С. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

На юг	5
Одесса	7
Севастополь	10
К турецким берегам	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Шаповалов

Император. Книга вторая. Ушаков

На юг

Я тащился на перекладных по раскисшим весенним дорогам. Путь лежал на юг через всю Россию-матушку. Вёз с собой кожаный портфель, набитый бумагами. На портфеле стояла гербовая печать. Внутри лежал новый морской устав и рескрипты для адмиралов от Адмиралтейств-коллегии, а также письма для генерал-губернатора Киева.

По пути заглянул на пару деньков к матушке в Новгородскую губернию. Несказанно обрадовал её. Матушка немного постарела, но оставалась как прежде: живой, с гордой осанкой и добрыми лучистыми глазами. Её старенькое синее платье как всегда было идеально отглажено. Белоснежный чепец накрахмален. Кружева на манжетах и воротнике расправлены. Мы сидели в нашей горнице с небогатой обстановкой и долго разговаривали. Героические предки смотрели на нас с портретов, казалось, внимательно слушали наш разговор. Потемневшие иконы в красном углу слабо озаряла лампадка. Я рассказывал матушке о службе, о Петербурге, о своих новых друзьях и знакомых.

Она все охала: «Да как же это, к самому государю на службу? Быть такого не может! И ты уже в лейтенантах? Жаль, отец не дожил. Вот бы он гордился!» Дверь распахнулась, ввалились братья гурьбой. Крепко обнял всех. Каждому привёз подарок. Ну и подросли же они! Уже, как прежде, за озорство им уши не надерёшь – могут и ответить. Старшие: Александр и Никита крепкими стали, высокими. Вслед за мной на службу собрались; все спрашивали: куда им податься, да в какие полки? Могу ли я им рекомендации дать? Младший, Михаил, Мишутка, вцепился мне в шею и не желал отпускать. Еле его уговорили. Потом уселся ко мне на колени и все разглядывал мой мундир, вертел пуговицы, водил пальчиками по галунам.

Сели обедать. Я не спеша хлебал щи деревянной ложкой, попутно растолковывая братьям все превратности армейской службы. Они внимательно слушали, не перебивали. А мама не отводила от меня взгляда. Вдруг всплакнёт и отвернётся.

Матушка, ну что вы, право! Что случилось? – спрашивал я.

– Ничего, – улыбалась она сквозь слезы. – Ты кушай, да рассказывай. Не обращай на меня внимания. Просто, я гляжу на тебя и удивляюсь: до чего же ты на отца стал похож.

Пришли наши мужики, поглядеть на барина. Человек пять, старших нерешительно потоптались в сенях, после на цыпочках вошли в горницу, поздоровались, низко поклонившись. Сели в угол к печи. Луша, наша горничная, подала им чай с баранками. Конюх Илья, рябой, рыжебородый здоровяк, все шептал остальным:

– Я ж барина вот таким помню, – и показывал заскорузлой ладонью, сколько вершков от земли я тогда был. – На коня его впервые посадил, он совсем махонький был. А сейчас – гляди! Ну – вылитый отец, царство ему небесное, благодетелю.

И мужики тут же дружно крестились на иконы.

Дети и молодые девки облепили окна, стараясь разглядеть, что же там твориться в барском доме?

– Луша, – сказала мама, – надо бы вечером праздник устроить. Стол в саду накрыть, да соседей пригласить. Когда ещё Семён к нам заглянет?

* * *

Простившись с родными, продолжил путь. Ехал через Витебск и Гомель. Добрался до Киева, где сдал часть писем в канцелярию. Хотел тут же отправиться вновь, но генерал-губернатор потребовал меня к себе.

Гудовичу, Ивану Васильевичу уже минуло пятьдесят, но он не терял военную выправку. Был свеж и опрятен. Принял меня в обширном кабинете. Пристально окинул мой мундир тяжёлым взглядом из-под нависших густых бровей.

– Вам идёт прусский покрой, лейтенант, – сказал зычным голосом.

Предложил чаю. Задал мне не меньше сотни вопросов о столичных делах, об императоре, о его окружении. Внимательно слушал ответы, кивал, иногда что-то быстро записывал карандашом на сером листе бумаги.

Я раньше много слышал о Гудовиче. Личность легендарная. Имел отличное образование. Учился в Кёнигсбергском и Лейпцигском университетах. Остался верен присяге, когда Екатерина Великая свергла Петра Голштинского. За то был арестован, но вскоре оправдан. Отличился в Турецких войнах, как отважный и умелый командир. Недавно вышел в отставку, но Павел Петрович потребовал, чтобы он вновь вернулся на службу, и назначил Гудовича на должность главы Киева. По духу – бунтарь, но чести совей ни разу не запятнал, а верность данному слову ценил превыше всего.

В конце он меня поблагодарил за рассказ. Быстренько начеркал письмо адмиралу Ушакову.

– Вам повезло, – сказал он прощаясь. – Вы увидите великого человека. Наша с вами история канет в Лету, а Ушакова будут славить многие поколения, уж поверьте мне.

Вновь на юг в почтовой карете. Через Белую Церковь по унылым степям. В Умани прикнул к военному обозу. Около сотни фур под охраной двух эскадронов жандармов следовали к Хаджибею. Теперь на месте Хаджибея возводили новый город – Одессу, – так мне объяснил румяный майор интендантской службы. Узнав, что я из Петербурга, да ещё следую к самому Ушакову, уговорил меня перебраться с почтовых в его обоз. Я и не прочь. Всё веселее коротать дорогу. Пыльные, тесные почтовые кареты уже надоели до чёртиков. А тут и верхом прокатишься, и в фуре выплещешься на мешках с зерном. И кормили обозных отлично. Ночевали лагерем в степи. Разводили костры под низким звёздным небом. Благо, весна в Новороссии тёплая, мягкая.

На рассвете третьего дня моего путешествия с обозом я почувствовал какой-то новый запах, необычный, солёный, свежий.

– Чуешь, Семён Иванович, морем дыхнуло? – сказал майор радостно. – Это наше, Русское море так пахнет. Ваше, Балтийское, так не дышит. Я знаю, бывал в Питере.

– Далеко ещё?

– Завтра увидим лиманы.

Вечером на очередном привале, у костра я спросил майора:

– Вот, смотрю: мы едем который день, а кругом степи безлюдные. Неужели земля в этих краях непригодная?

– Как же! Земля здесь богатая. Вон, трава какая, выше человека, – показал он на степь.

– Так почему никто не живёт, не возделывает землю?

– Это все из-за набегов крымчаков да ногайцев. Уж сколько они эти края терзали, вот земля и обезлюдилась. Кто же захочет здесь жить? Представь, человек трудится, живота не жалея: землю пашет, скот растит, детей рождает... А тут нагрянут орды, все отберут, хаты пожгут, да пахарей на невольничий рынок уведут. Спасибо матушке Екатерине, да Светлейшему князю Потемкину: нынче усмирили крымчаков и ногайцев наказали – больше не суются сюда.

Погоди, Семён Иванович, ещё расцветёт Малороссия.

Одесса

– Смотрите, смотрите же, Добров! – закричал майор, размахивая руками.

Мы совершали конную прогулку, пока обоз с трудом взбирался на очередной крутой подъем. Под майором была шустрая кобылка, и он первым оказался на вершине холма. Я подскочил к нему и замер, не в силах что-либо вымолвить. Впереди раскинулась стеклянная гладь светло-голубого нежного оттенка. Она уходила к горизонту, постепенно темнея, где-то далеко у виднокрая образуя почти чёрную грань, на которую тонким прозрачным куполом опирался хрустальный колпак неба. Картина до того очаровательная, что казалась нереальной. Глубокий, полный спокойствия мир, со своими тайнами и причудами. Попробуй-ка, разгадай его!

– Ну, что я вам говорил? – радостно воскликнул майор, стараясь перекричать ветер. – Это вам не Балтика. Это – Русское море!

* * *

Город только закладывался. Город – одна огромная стройка. На скалистом берегу теснилось поселение: деревянные бараки, косые мазанки, а дальше, вглубь материка размечены фундаменты будущих домов. Кругом стопки строительного камня, досок, брёвен. Небо коптели кузнечные горны и смоловарни. У пирсов в гавани множество кораблей. Мачты, снасти – словно лес. Нагруженные возы еле тащились, запрудив все проезды. И кругом суетился мастеровой люд. Визжали пилы, стучали молотки, скрипели лебёдки. Пахло известью, углём, горячей смолой и свежей древесиной.

Мы расстались с майором интендантской службы. Он повёл обоз к небольшой крепости, возвышавшейся над гаванью, а я отправился в торговую часть города искать коменданта. Мне указали небольшой каменный дом в два этажа с портиком и львами у входа. Я доложил адъютанту, что прибыл с пакетом из Петербурга. Меня тут же провели в дом.

– Ка-ак, вы уже лейтенант? – узнал меня Иосиф Михайлович де Рибас, расплываясь в широкую, белозубую испанскую улыбку. – Сейчас то вы нам все расскажете: что там у вас в Петербурге творится. Говорят – ужасы сплошные: круглые шляпы запретили, за жилеты порют прилюдно, все ведомства с пяти утра работают...

Военный комендант Одессы пил чай в просторном светлом кабинете. Он был в безупречном зелёном сюртуке. Парик с буклями идеально напомажен. За круглым столом, устланным белой скатертью, помимо самого де Рибаса находился ещё один человек, генерал, лет сорока пяти. Он представился, как военный инженер, Франц Павлович де Воллан. Что-то свиное было в его облике: скучающее выражение лица, хищный нос, глаза немного навывкат. Парика он не носил. Мундир, хоть и генеральский, но скромный.

– Константин, – окликнул Иосиф Михайлович слугу, грека. – Поставь ещё один чайный прибор. – Вновь обратился ко мне: – Как здоровье императора?

– Император весь в делах, – ответил я, присаживаясь на скрипучий стул, обитый красным атласом. – Везу адмиралу Ушакову поправки к морскому уставу.

– Ушакову? Поправки? – усмехнулся Иосиф Михайлович. – Ох, быть конфузу.

– У адмирала свой устав. Он – человек тяжёлый и непреклонный, – объяснил тихо генерал да Воллан.

– Указы императора нельзя обсуждать, – напомнил я.

– Верно, – согласился Иосиф Михайлович. – Только видите ли, с турками война особая. Это не в Европе. Ждать от турок благородных поступков, то же самое, что ждать милосердия от голодных шакалов. Посему иногда приходится действовать супротив всех уставов.

Передо мной появилась чашечка с блюдечком из тонкого фарфора с греческим орнаментом. Тарелка с горячими булками и ваза с фруктами.

– Попьем чайку, а после, перед обедом, сходим, посмотрим, как пристань строится. Я вам все покажу. Погодите, – нетерпеливо вскочил де Рибас. – Пойдите сюда. – Он подвёл меня к широкому окну, отдернул тяжёлую бархатную портьеру. – Полюбуйтесь: что за вид!

Действительно, панорама открывалась чудная. Передо мной расстилалось бескрайнее море, и была видна прибрежная полоса, на которой шумела грандиозная стройка.

– Поглядите: – вот там будет порт. Здесь возведут дворцы, – указывал де Рибас. – А вдоль набережной посадим аллеи. Вы не представляете, какой красивый город будет стоять на этом месте. Он вберёт в себя лучшие традиции европейской архитектуры и, в тоже время, органично впитает античный стиль. Здесь будет шуметь торжище, разгружаться корабли с колониальными товарами. Расцветёт буйным цветом искусство и ремесло. На улицах зазвучит разноголосая, разноязычная речь. Ах, что за город! Мечта! Я вам все подробно покажу! Мы с Францем Павловичем продумали все до последней детали. И обязательно в Одессе будет лучший в Европе театр.

Пока я пил ароматный крепкий чай, де Рибас распечатал конверт с рескриптом от императора. По мере чтения лицо его приобретало растерянное выражение. Он морщил лоб, стараясь глубже вникнуть в суть написанного, фыркал, раскрывал рот, как будто хотел кому-то задать вопрос...

– Интересно, – задумчиво произнёс он, нервно покусывая нижнюю губу.

– Неприятности? – осторожно спросил Франц Павлович, отставив в сторону чашку с недопитым чаем.

– Неприятней некуда, – ответил де Рибас, кладя письмо на стол меж блюдца и креманок с вареньем. – Нас с вами, Франц Павлович, вызывают в Петербург.

– С отчётами?

– Хуже, – он сделал жесты руками, как делают итальянцы, когда не понимают, что происходит. – Экспедицию по строительству города и порта приказано свернуть.

– Не может быть! – вскочил с места генерал Воллан. – Как это?

– Сам не могу уразуметь. Но вот, – он растеряно указал на письмо. – Закройте. Баста!

– Не понимаю. – Генерал Воллан схватил письмо, принялся читать. Лоб его покрылся испариной. – Но, позвольте! Столько проделано, столько вложено труда... Все напрасно? Да как это может быть?

– Почитайте до конца, – посоветовал де Рибас. – Генерал-поручик Бердяев, ныне губернатор Новороссии, сделал доклад императору. По его ревизионным расчётам затраты на строительство города и порта слишком огромны. Читайте, читайте. Казна не в состоянии выдать нужную сумму. Так же он докладывает, что работы над сооружением порта вовсе не продвигаются. Мало того, создана комиссия по проверке злоупотреблений и казнокрадству. Нашему с вами злоупотреблению и казнокрадству.

– И что теперь будет с Одессой? – спросил Воллан, сглотнув комок.

– Одессы не будет, – со вздохом сожаления ответил де Рибас. – Но вы не о том печётесь, Франц Павлович. Как бы нам с вами в казематах Петропавловской крепости не оказаться.

* * *

Город я покидал с тяжёлым чувством. Почтовой кареты ждать пришлось бы долго, поэтому я отправился в обозе чумаков на тюках с солью. Вокруг кипела работа. Но приказ о свёртывании строительства уже был получен. У заставы меня поджидала толпа торговцев. Широкополые греческие шляпы, расшитые молдавские жилеты, алые кушаки. Среди народа я заметил даже турецкие фески. Опалённые южным солнцем лица с вислыми усами. Темные глаза.

– Господин из Петербурга! – Толпа обступила воз, на котором я ехал. – Господин из Петербурга, как же так? – задал мне вопрос широкоплечий, чуть сторбленный старый еврей. На нем была рабочая ситцевая блуза, молдавский яркий жилет, а на голове расшитая бисе-

ром кипа. – Мы в город столько труда вложили, столько денег.... А его закрыть хотят. Мы родные края покинули, чтобы служить России.... Больше нам податься некуда. За что с нами так поступают? Посмотрите: мы все здесь живём, как твари в Ноевом ковчеге. Мы все – одна семья. А понадобится – умрём за императора. Господин из Петербурга, где же справедливость?

– Я только привёз приказ, – с сожалением ответил я. – Просите губернатора, чтобы он подал прошение царю. Ничем вам помочь не могу.

Севастополь

Вновь повезло с военным обозом. На этот раз везли корабельные орудия, порох в просмоленных бочонках и ящики с чугунными ядрами. Дорога вилась по скалам у самого обрыва. Слева поднимались горы. У подножья росла буйная зелень, доселе мне невиданная. На кустарниках густо распустились ярко-жёлтые цветы. А сами горы вздымались белыми отвесными стенами, похожие на суровые морщинистые лица гордых старцев. Справа открывалась гладь голубого моря. Солнце жгло нещадно. В теснинах становилось душно, но лишь только кони выносили на откос, как тут же жару прогонял прохладный ветерок.

Наконец впереди показался белый город. Маленькие домики рассыпались по берегу широкой бухты. В саму бухту, расправив паруса, величественно входили кильватерным строем боевые корабли. Облачко дыма выпорхнуло из пушечного порта первого корабля. Затем донёсся запоздалый грохот и эхом заметался среди гор. С бастиона ответило орудие.

– Это и есть Ахтиар? – спросил я у флотского офицера, ехавшего со мной в повозке.

– Он самый, – благоговейно ответил офицер, сорвал шляпу и перекрестился. – А это наши корабли идут. Красиво идут!словно лебеди. Впереди «Святой Павел», флагманский.

В штабе я долго ждал приёма. Офицеры мелькали туда-сюда. Походка уверенная, немного вразвалочку. Вид непривычный для меня: все в белых мундирах. Шпаги короткие. Сапоги без шпор. Адьютант разбирал корреспонденцию, сидя за массивным дубовым столом. Было нестерпимо жарко. Я встал возле распахнутого окна, чтобы хоть немного освежиться.

В штаб вошёл офицер невысокого роста. Движения размеренные, неторопливые. Во взгляде чувствовался напор и уверенность. Голова большая, непропорционально телу, лоб широкий. На отвороте светлого мундира сиял орден Святого Георгия четвертой степени.

– Здравия желаю, Дмитрий Николаевич, – любезно приветствовал его адъютант.

– Фёдор Фёдорович занят? – спросил офицер.

– Лейб-медик у него.

– Разнос устраивает?

– Да. Недоволен снабжением госпиталя.

– Поделом, – согласно кивнул офицер. – Каков госпиталь – такова и армия. Из Петербурга что-нибудь слышно? Все трясётся, что французы с турками нападут. Уж третий месяц вдоль побережья ходим – все без толку.

– Вот, – указал адъютант на меня. – Курьер только что прибыл.

– Ага! – удовлетворённо воскликнул офицер и решительно направился ко мне. – Вы с вестями?

– Так точно, – ответил я. – Лейтенант Семёновского полка, Добров.

– Капитан первого ранга, Сенявин. – Он пожал мне руку. Ладонь маленькая, но казалась каменной. – Так вы не из фельдъегерской службы? – удивился он.

– Никак нет.

– А от кого поручение?

– От императора.

– Вот как! – воскликнул он и обернулся к адъютанту. – Так чего вы лейтенанта под дверью держите, если он от самого императора? Извольте доложить адмиралу немедленно.

В штаб, словно ураган, влетел молодой высокий лейтенант. Лицо красивое смуглое, южной породы. Темные глаза неистово сияли. Стан тонкий, гибкий. Он сорвал шляпу, обнажая черные кудри, стянутые узлом на затылке.

– С приказами из адмиралтейского правления, – выпалил он.

– Обождите минуточку, – остановил его адъютант. – Адмирал занят.

– Но позвольте, я гнал коней сутки из Херсона, – возмутился лейтенант.

– Метакса, – окликнул его Сенявин. – Егор Павлович. Вы, как обычно – торопыга.
– Здравствуйте, Дмитрий Николаевич, – расплылся он в белозубой улыбке, подходя к нам.

– От графа Мордвинова? – указал Сенявин на кожаную папку в руках у лейтенанта.

– Так точно.

– Что-нибудь важное?

– Как обычно: приказы по снабжению кораблей, переводы офицеров, ну и прочее...

– И чего тогда так спешишь? Тут, курьер из Петербурга ждёт с бумагами от самого Императора.

Лейтенант смутился, покраснел, как девушка, чем меня развеселил. Крепко пожал мне руку:

– Прошу прощения. Лейтенант флота Егор Метакса.

– Добров. Лейтенант Семёновского полка, – ответил я.

Двери в кабинет адмирала распахнулись. Из них вышел высокий тощий немец в пышном парике и темно-синем сюртуке. Лицо его было бледное с растерянным выражением.

– Проверю лично! – звучал грозный голос ему вслед. – Хлеб больным подавать белый, без всяких отрубей. Мясо должно быть свежее. Вино – неразбавленное.

– Честь имею, – кивнул нам лейб-медик и поспешил вон.

– Заходите, господа, – послышалось из недр кабинета.

В просторном светлом помещении, за большим столом с незатейливой резьбой сидел адмирал. Суровый флотский начальник гренадерского роста с плечами атлета. Погоны с тремя золотыми двуглавыми орлами на белом мундире. Черты лица его были грубыми. Лоб гладкий, бронзовый от загара. Выгоревшие русые волосы с нитями седины стянуты на затылке тугим узлом. Шея мощная, короткая, воротник блузы еле сходилась. Глаза удивительно ясные и совсем не строгие. У него были широкие жилистые руки. Белые кружевные манжеты блузы не очень сочетались с его грубыми ладонями. Я доложил о себе, подал пакет.

– Присаживайтесь, – сказал он громким отрывистым голосом с хрипотцой, и указал стулья напротив.

Мы сели.

Пока адмирал читал рескрипт императора, я оглядывал кабинет. Нисколько этот кабинет не был похож на петербургские министерские или генеральские. Никаких тяжёлых драпировок, массивных люстр и канделябров с амурчиками. Никакой показной роскоши. Все просто, но со вкусом. Светлые стены, белая лепнина на потолке, белые портьеры, белые двери без всякой позолоты. Картины, и те в простых светлых рамах, все больше портреты адмиралов или морские пейзажи. Мебель тяжёлая, с точёными ножками. Массивные шкафы, набитые книгами. Напольный глобус. Единственная дорогая вещь – персидский ковёр устилал паркетный пол.

Ушаков закончил чтение, отложил документы и взглянул на нас.

– Что у вас, Дмитрий Николаевич? – спросил он Сенявина.

– На Святом Петре, Фёдор Фёдорович, надо бы заменить часть парусов и лафеты на кормовых орудиях.

– Заменим! Теперь обязательно заменим! – радостно сказал адмирал. – У вас что, лейтенант Метакса?

– Приказы от адмирала Мордвинова.

– Нынче не имеют силы приказы Мордвинова, – прервал Ушаков. – Вот, – он ткнул пальцем в рескрипт, который только что читал. – Император назначает меня командующим Черноморским флотом. Теперь и лафеты заменим, и паруса, и экипажи кормить нормально будем.

– Поздравляю вас, Фёдор Фёдорович, – холодно сказал Сенявин, поднявшись со стула. Я почувствовал, что между капитаном и адмиралом отношения были весьма натянутыми.

– Капитан Сенявин. – Ушаков посмотрел собеседнику прямо в глаза. – Предвижу, нам вскоре предстоят нелёгкие времена. Вы – один из лучших офицеров. Вам доверен линейный корабль, самый грозный и быстрый. В бою, вы – моя правая рука.

– Я готов отдать весь свой талант и, если понадобится, жизнь во славу России, – все так же холодно ответил Сенявин. – Разрешите идти?

– Идите, – пробурчал адмирал.

Капитан Сенявин повернулся на каблуках и уверенным чеканным шагом вышел из кабинета.

Ушаков проводил его тяжёлым взглядом, затем обратился ко мне:

– А вас, я так понимаю, приставили ко мне в качестве наблюдателя? – недобро спросил он. – Устав новый привезли. Будете докладывать, как я сей устав исполняю? Вы его выучили?

– Устав выучил, – ответил я. – Но не в нём дело. Всему виной ваши разногласия с адмиралом Мордвиновым.

– Мордвинов, – кивнул задумчиво Ушаков. – Вот оно что! – Взял со стола папку с приказами, которые принёс лейтенант Метакса. Пробежался глазами по тексту. – Что ж, – оживился он. – Добро пожаловать на флот, лейтенант Добров. Интендант найдёт вам жильё. Почистите платье, отдохните с дороги, а к ужину жду вас в офицерском собрании.

В кабинет ворвался невысокий, кругленький, пышноусый майор.

– Вызывали?

– Вызывал, – ответил грозно Ушаков. – Что с новобранцами, прибывшими из Воронежа.

– Не углядели, – вздохнул майор. – В бане их помыли, а пока новое обмундирование выдавали, они на солнышке решили погреться. Вот и сгорели. Но вы не волнуйтесь, Фёдор, Фёдорович. Живы будут. Мы их жиром намазали, да в погреб положили.

– Впредь приказываю! – перебил его Ушаков. – Матросам на солнце не лежать! И далее: что у вас за бардак на стройке? Почему строительный камень лежит на проезде?

– Уберём! – заверил майор адмирала.

– Вы что, забыли, я терпеть не могу беспорядок! Только что фельдшер у меня был. Бардак у нас с госпиталем. По госпиталю составить мне доклад: сколько больных, сколько выдаётся хлебного и винного довольствия на каждого. Замечу недостачу, интенданта госпиталя лично высеку.

– Будет исполнено!

– И вот ещё: познакомьтесь. Сей лейтенант прибыл из Петербурга для службы при экспедиции. Прошу позаботиться о нём и доложить мне.

– Будет исполнено!

Майор попросил меня пять минут подождать и куда-то умчался. Я остался стоять один в тени здания штаба. На небо смотреть было невозможно, до того оно сияло солнечным светом.

– Добров, простите, забыл ваше имя. – Ко мне подошел лейтенант Метакса. Он мне как-то сразу понравился. Может, потому что был почти моих лет, а может, потому что казался открытым и добродушным. – Семён Иванович, – напомнил я.

– Вот и отлично! – он крепко пожал мне руку. – Егор. Хотел узнать, как там в Петербурге?

– Много перемен, – ответил я. – Даже не знаю, что бы вы хотели услышать. Вы давно бывали в столице?

– Уже семь лет минуло, как был переведён в Черноморский флот. Я же заканчивал корпус чужестранных единоверцев. Потом в кадетском корпусе учился. Закончил гардемаринном. В девяносто первом получил мичмана – и сюда, на Чёрное море. А вы каким ветром здесь? Простите, если задаю бестактный вопрос.

– Сослан за дуэль.

– Вот, как? – насторожённо ухмыльнулся Егор.

– Ничего смешного, – вздохнул я. – Я убил человека.

– Всякое бывает. На то она и дуэль, – неопределённо пожал плечами лейтенант Метакса. Повисла какая-то неловкость. Мы оба с минуту молчали.

Я неуверенно спросил:

– Что за человек, адмирал Ушаков?

Метакса оживился:

– Скала в бушующем море. Такого флотоводца ещё не было в нашей истории. Стратег. Если с ним в бой идёшь – ничего не страшно. Скоро узнаете нашего Нептуна. Он строг, суров. Порядок любит. Но матросы и офицеры его боготворят, как отца родного.

– Что-то я не заметил, – усомнился я.

– Вы о капитане Сенявине? – Егор задумался. – Понимаете, тут – случай особый. Два бунтаря никогда не уживаются. А вообще – это история тянется уже долго. Вы же слышали, какой конфуз случился, когда адмирал Войнович повёл эскадру к Румелии. Разразился шторм. Корабли разметало по морю. Многие после еле добрались до Севастополя. Один фрегат затонул. Линейный «Мария и Магдалена» отнесло к Босфору, прямо в руки к туркам.

– Слышал, – сказал я. – Большая неудача. Тогда говорили, что наша эскадра потерпела поражение, даже не вступив в бой.

– Так, вот: Сенявин был флаг-капитаном при Войновиче.

Благодаря ему команда не отчаялась и спасла корабль. Сенявин со шпагой в руках носился по кораблю и командовал матросами. По сути, это он спас корабль и адмирала. Войнович после того случая полюбил его, как сына. А Ушаков терпеть не мог адмирала Войновича за нерешительность и трусость. Добился, чтобы того отстранили от командования флотом. После сего между Сенявиным и Ушаковым произошла ссора.

– Как же они в одной эскадре? – удивился я

– Нет, вы не думайте, что все так плохо. Это они в мирное время друг к другу относятся с неприязнью. Но как только на горизонте появится вражеский флот – все обиды тут же забываются.

– Хотелось бы верить, – сказал я.

– Вы тоже об этом будете писать императору? – настороженно спросил лейтенант Метакса. Мне не понравился его вопрос.

– Простите, но я не доносчик. Однако, моя работа – подробно докладывать о состоянии флота, дабы император имел ясную картину происходящего.

* * *

Меня поселили на окраине города в небольшом каменном домике с низким потолком и земляным полом. Два окошка узких и пыльных выходили в сад. За садом начинался обрывистый берег. В открытые окна доносился шум прибоя. Интерьер как в монашеские кельи: топчан с соломенным матрацем, письменный стол, грубый табурет – вся мебель. Но комнатка моя имела отдельный вход. За стеной жили хозяева: колченогий корабельный плотник, его дородная жена и трое босоногих ребятишек: старшему не больше десяти.

Мальчишки принесли воды в деревянных вёдрах. Я кое-как омылся после длинной пыльной дороги. Хозяйка почистила и погладила мой мундир. Как только солнце начало падать за горы, я явился в офицерское собрание, где уже находилось с полусотни офицеров в белых морских и красных артиллерийских мундирах.

Общество нисколько не напоминало петербургское. Ни у кого я не заметил на лица то особое напускное безразличие, какое обычно бывает у наших гвардейцев, или уж очень любезную улыбку, когда нижний чин заговаривает с высоким начальником. Говорили громко, смеялись открыто. Огонь горел в глазах. Вокруг была какая-то живая добродушная атмосфера. И я почувствовал себя здесь лишним. Я нисколько не походил на этих людей в своём зауженном прусском сюртуке. Кожа моя была бледная. Открыто и уверенно говорить с собеседником я разучился за время службы при Аракчееве.

– Вице-Адмирал всех просит к себе в кабинет! – объявил адъютант.

Разговоры притихли. Офицеры потянулись в соседний зал. Ярko горели люстры. Широкий стол застилала карта.

– Прошу внимания! – громко произнёс Ушаков, расправив могучие плечи. Все встали вокруг стола и притихли. Обратили взоры к адмиралу. Он здесь был императором. – Из Петербурга к нам прибыл новый товарищ в чине лейтенанта от артиллерии. Командирован к нам самим императором Павлом Петровичем.

Я поклонился. Почувствовал на себе пристальные любопытные взгляды.

– Позвольте поинтересоваться, на какую должность вам назначено? – вежливо, но настойчиво спросил меня Сенявин, стоявший на против.

– Ответьте-ка нам честно: на кой черт вас сюда прислали? – вторил ему смело суровый седовласый майор от артиллерии с грубым лицом и натруженными большими руками.

– Да, скажите нам все, как есть, – откликнулся Ушаков. – Видите ли, мы здесь – одна семья. Война людей делает ближе. Мы тут все сроднились под турецкими ядрами. Никто ни от кого ничего не скрывает, – так принято. Иначе как можно доверять товарищу, с которым, возможно завтра, придётся идти в абордажный бой.

– Выкладывайте все начистоту, – пробасил молодой высокий капитан.

– Господа офицеры, – обратился я к собранию, – ваше превосходительство, – к Ушакову, – скажу вам откровенно. – Мой голос слегка дрожал. – Я прибыл, чтобы вести доклады императору о положении дел в эскадре.

Все долго напряжённо оценивали меня, как муху, посмевавшуюся на торт.

– И в каком ключе вы будете вести доклады? – с неприязнью спросил меня седой майор от артиллерии.

Я почувствовал, как щеки мои пылают. Хотел сказать что-нибудь в оправдание, но адмирал опередил меня.

– Господа. – Ушаков, решил разрядить обстановку. – Разве нам есть что утаивать? Мы честно служим отечеству. Никто из нас не замечен в трусости или казнокрадстве. Так в чем же дело? Доклад командованию – обычное служебное поручение.

– Так-то оно – верно, – нехотя согласился майор от артиллерии.

– Простите, господа, – наконец вымолвил я. – Но мне самому не нравится сея обязанность. Если вы думаете, что я по своей воле направился сюда заниматься этим недостойным делом, то вы ошибаетесь.

– Так вас сослали? – удивился каперанг Сенявин.

– Да, господа, – признался я. – Сначала хотели отправить в Тобольск, но после вынесли решение – на флот.

– Проступок серьёзный? – насторожился Ушаков.

– Он не касается службы. – Далее я выдал версию, которую мне придумал Аракчеев: дуэль за честь дамы.

– Тогда – другое дело, – смягчился Сенявин. – Защищать честь дамы – разве это преступление? Убил наглеца, значит – такова воля Высшего суда.

– Поединок чести – это не преступление, – согласился седой майор.

– Добро пожаловать в нашу компанию, – сказал Ушаков. – Но учтите, лейтенант, служба у нас не из лёгких. Придётся и ноги замочить, и руки намозолить. Ну, и кухня у нас своя: порой одни сухари есть придётся.

Я сразу почувствовал, что становлюсь ближе этим суровым, смуглым морским чертям.

– Господа офицеры, – между тем громко сказал адмирал Ушаков. – Как новый главнокомандующий Черноморским флотом, я должен ввести вас в курс дела. Обстоятельства складываются к новой войне. Вот, только с кем предстоит сражаться – ещё не ясно. Французский флот готов выйти из Марселя. – Он указал на карту. На Ионических островах, захваченных

недавно Францией, подготовлены базы. Я получил письмо от графа Воронцова из Лондона. Английская разведка донесла: на Корфу переброшены войска. Операция проходит в строжайшей тайне. Так же наблюдается скопление войск возле портовых городов: Марселя, Тулона, Генуе, Чивитавеккьи. По скудным данным можем предположить: директория готовит вторжение. Куда готовится вторжение – сведений не имеем. Якобы французские войска готовят для переброски в Сицилию и Сардинию. По другим данным, все же, цель экспедиции – Константинополь. Перебросив войска в Турцию, далее французы хотят совместно с оттоманским флотом атаковать Крым. Цель – вернуть полуостров Османской империи, затем вторгнуться в Валахию и Молдавию, освободить Польшу и затребовать у России контрибуцию за унижение Речи Посполитой. В поддержку этой версии известно, что один из корпусов экспедиции сформирован польскими добровольцами во главе с Домбровским. А также в Генуе был замечен инженер Дюверен Депрель. Если кто помнит, этот инженер в восемьдесят четвёртом году побывал на всём побережье Чёрного моря, дабы зарисовать все наши и турецкие береговые укрепления. Стоит учесть тот факт, что Франция давно вынашивает планы вторжения в Англию. Но при данном раскладе сил, план этот выглядит провальным. У Франции нет достаточно сил и средств перевести десант через Па-де-Кале. Вывод – экспедиция направлена в Чёрное море. Наша задача: сорвать их планы – это понятно. Сдержат французскую эскадру в Средиземном море постарается английский флот под командованием адмирала Нельсона. Давайте оценим силы противника. Капитан Сенявин, сделайте доклад о состоянии французского флота, – попросил Ушаков.

– Несмотря на все трудности в отношениях России и Франции, я веду тайную переписку с тремя французскими офицерами флота, – объяснил Сенявин. – Вернее, уже с двумя. Недавно узнал, что лейтенанта Жана де Серьези обезглавили, обвинив в измене идеалам революции. Конкретно о флоте. Что я понял из переписки? В современном французском флоте царит анархия и разруха. Если вы помните, ещё недавно Франция имела около трёх сотен отличнейших кораблей с новейшим пушечным вооружением и прекрасно обученным плавсоставом. В восемьдесят девятом году по военной переписи: девяносто одна тысяча матросов; полторы тысячи – офицерский корпус; более тридцати тысяч орудий, из которых больше половины – медные; подготовленные матросы-комендоры, сведённые в восемьдесят одну роту. Лучшие в Европе береговые службы по снабжению и ремонту кораблей, организованные графом Шаузелем.

– Помним победоносный королевский флот, – согласился Ушаков. – Что же теперь с ним произошло?

– Революция семьдесят восьмого года все изменила, – продолжил Сенявин. – Вспомните: вице-адмирал де Эстен, командовавший национальной гвардией в Версале, был одним из первых офицеров флота, перешедших на сторону Национального Собрании.

– Герцог Орлеанский, один из блестящих офицеров флота тоже открыто поддержал революционное движение, – вставил Ушаков.

– Проникнувшись заразной идеей всеобщего равенства и братства, нижние чины флота стали бунтовать. Избивали офицеров, выкидывали их за борт. Назначали своих командиров. Флотские власти ничего не могли поделать. А рабочие из портовых служб массово подались в национальную гвардию. На верфях и в доках работа встала. Адмирал де Бугенвиль попытался прекратить анархию. Ему на короткое время удалось восстановить дисциплину, но вскоре экипажи вновь взбунтовались. К девяносто первому году от прежнего офицерского корпуса осталась едва ли четверть. Офицеров, не принявших революцию, подвергли позорной казни или засадили в тюрьмы.

– Как же смогли сохранить флот? – спросил Ушаков.

– Ввиду нехватки офицерского состава, Национальное Собрание разрешило нанимать капитанов торгового флота. А морскому министру доверили выдавать патенты капитанов по личному усмотрению.

– Но это же – полный бред! – удивились офицеры. – А как же навыки? Стратегия? Фрегат или линейный корабль – это же не торговая посудина.

– Увы, это – так, – пожал плечами капитан Сенявин. – Примите во внимание ещё тот факт, что многие известные флотоводцы пали жертвами революции: Гримуар, Филипп Орлеанский, Керзен, де Эстен и многие другие достойные офицеры. Мало того, уничтожив офицерский корпус, теперь уже Конвент выпустил указ о роспуске корпуса морских комендоров и корпуса морских гренадёров. Для наведения порядка на флоте этот же Конвент создал комиссию, которая принялась жестоко насаждать дисциплину. Итог – повальное дезертирство. За шесть лет революционного ужаса французский флот лишился опытных офицеров, обученных комендоров и боеспособных солдат морской пехоты, привыкших к морю и умеющих вести абордажный бой. Матросы дезертировали. Взамен набрали недоучек с коммерческого флота и сухопутных солдат. Боеспособность флота ещё как-то держится на остатках прежнего, дореволюционного личного состава: офицерах и матросах, которые чудом не попали под гильотину. Корабли давно не чинились. Многие, просто-напросто, сгнили. В виду гнилости бортов, суда перевооружают более лёгкими пушками. Комендоры не обучены. Лоцманы, привыкшие водить торговые суда, не справляются с военными кораблями. Итог печален: английские корабли, вступая в схватку с французскими, легко их жгут или берут на абордаж.

– Но, несмотря на это, все же флот у Франции есть. И этот флот, в союзе с турецким, способен перебросить десант к нашим берегам, – сказал Ушаков. – Кто может противостоять французам? Лейтенант Белли, Григорий Григорьевич, поведайте нам об английском флоте, – попросил адмирал высокого англичанина с густыми рыжими бакенбардами.

– На данный момент английский флот является сильнейшим в мире, – начал он неспешно, взвешивая каждое слово. – Так считает мой друг, Томас Гарди, капитан брига «Мутайн». В подтверждение тому – последние победы при Доменике, при Керсанте, недавнее – у Сен-Винсента.

– Наслышаны, – кивнул Ушаков. – Испанцы были разбиты наголову, хотя в два раза превосходили в силе.

– Однако и во флоте британской короны существуют слабые стороны, – так же спокойно и размеренно продолжал Белли. – Флот большой – это верно. Но на большой флот нужно набрать много матросов. А где их взять в достаточном количестве? Тем более что денежное довольствие не повышали, наверное, ещё со времён Карла Второго. Набирают в портах всякий сброд: пьяниц, бродяг, а частенько и преступников. Потери несут больше не в сражениях, а от цинги и дезертирства. Вот, тут Томас Гарди мне некоторые факты привёл. Кузен его в адмиралтействе работает клерком. От него он и узнал, что за шесть последних лет на службу набрано сто семьдесят пять тысяч матросов и офицеров – огромная армия. Из них погибло в боях чуть больше тысячи двухсот человек – полная ерунда. Но зато умерло от болезней восемнадцать с половиной тысяч, а дезертировало сорок две тысячи матросов. В последнее время участились бунты на кораблях с поднятием кровавого флага. Так что – не все так образцово в английском флоте, как может показаться.

– Все же будем надеяться на помощь адмирала Нельсона, но нам надо быть готовым к любой ситуации, – вынес решение адмирал Ушаков. – О качествах турецкого флота нам известно многое. Не раз его били. Однако по докладу нашего посланника в Порте, Василия Степановича Томара, я понял, что Турция срочно перевооружает флот и готовит новые быстроходные корабли. На верфях работают французские корабельные мастера. Так что, господа офицеры, готовим свои корабли к боевым действиям. Особое внимание прошу уделить артиллерии. Порох должен быть сухой.

Паруса надёжные. Борта законопачены и просмолены.

* * *

Ко мне в ординарцы был приставлен матрос. По виду – бывалый вояка. Взгляд цепкий. Сам бойкий, хозяйственный. Походка стремительная, чуть вразвалочку. Лицо красное, добродушное. Глаза светлые, нос картошкой. Весь его широкий лоб, скулы и даже нос покрывали веснушки. Представился: матрос Иван Дубовцев.

Тут же заставил хозяина поставить мне в комнату тумбу, раздобыл медный таз и кувшин для умывания. Рядом на гвоздик повесил холщовый рушник с малоросским узором. Приволок откуда-то пёстрый ковёр и постелил его на пол перед моим топчаном. Я готовился лечь спать, а Дубовцев уже спешил от хозяйки с пышущий жаром самоваром, связкой баранок, блюдечком с колотым сахаром и с куском жёлтого сливочного масла.

– Да что ж ты так обо мне заботишься? – удивился я.

– Как же, ваше благородие? – сказал он, разгоняя самоварный дым. – Должность моя такая – заботиться о вас. Чтобы вы ни в чем не нуждались. А ваша работа – потом под пулями стоять, да на янычар в атаку матросов водить. У нас офицеров – жуть, как мало. Турки, они же подлый народец, как бой завяжется, так стараются в первую голову всех офицеров выбить. Это вам не благородная Европа. Янычары если окружат, шпагу от вас требовать не будут, – сразу голову рубят. Им за каждую голову деньги платят. Вот, вы у меня – уже третий. Ой! – махнул он рукой, заметив, как лицо моё побледнело от ужаса. – Наболтал вам тут лишку. Простите меня, ваше благородие.

– Да не за что мне тебя прощать, – усмехнулся я. – Подумаешь – напугал. Расскажи лучше о себе. Сам откуда? Давно служишь?

– С Воронежской губернии я. Служу двадцать лет.

– А во флоте давно?

– Так, все двадцать лет матросскую форму и ношу.

– А в эскадру Ушакова когда попал?

– С адмиралом нашим вместе прибыл в Херсон, флот строили. Это ещё при графе Потёмкине было, царство ему небесное, благодетелю, – и он пустился в воспоминания, наливая мне чаю в грубую глиняную кружку: – Помню, входим мы в Херсон, а там – пусто.

– Как это?

– А вот так. Никого нет на улицах. Все убёгли. Встречает нас комендант и кричит: – Куда вы черти? В горд нельзя.

Чума.

– Чума? – меня даже передёрнуло.

– Да! Вот, так-то. Говорят, турки специально заразу завезли на кораблях, чтобы Херсон обезлюдить. Народ они – подлый. Для них со спины напасть – геройство. Гадость какую-нибудь сотворить – это они мастера. Половина города вымерла, половина – сбежала. В восемьдесят третьем это было. Точно, летом восемьдесят третьего.

– А сам ты видел чумных?

– Мёртвых? Видел однажды. Жуть! – Дубовцев передёрнул брезгливо плечами. – В карауле стоял возле въезда в Херсон. Тогда приказ был: никого из города и в город без особого разрешения не впускать и не выпускать. Гляжу, по дороге едет казак на пике у него тряпка чёрная. Сзади два быка телегу тащат. Сначала не понял, что в телеге. Гора какая-то. Пригляделся, а из этой горы торчат руки, ноги почерневшие. За телегой идут двое каторжника в длинных холщовых балахонах. На головах у них мешки с прорезью для глаз. В рукавицах. Крюки мясницкие держат. Гляжу: на ухабе телегу тряхануло, и один труп соскользнул на землю. Каторжники его крюками подхватили и обратно в телегу уложили. Казак как крикнул на меня: что, мол, пялишься, олух эдакий. В сторону отойди. Почему костёр не жжёшь с дёгтем? Я телегу пропусти. Смерд от неё, чуть не вывернуло. А они проехали ещё с полверсты, вывалили тела

в канаву, смолой облили да подожгли. Эту вонь от горящих трупов до сих пор помню. Ох и страшная болезнь. Никого не щадила. Даже командующий херсонским адмиралтейством вице-адмирал Клокачев, Федот Алексеевич помер от неё, от проклятой.

– А как же солдаты?

– Вот тут такая штука, – оживился он. – Фёдор Фёдорович нас и спас от этой заразы. Всех матросов и корабельщиков вывел из города. Встали мы лагерем. Палатки поставили. Ров вокруг нашего стана выкопали, да жгли в нем хворост и траву, чтобы крысы или какая другая живность к нам не пробралась. Построил нас адмирал и говорит: «Не так уж страшен черт, как его малюют. Кто поддастся паники, того самолично придушу. У нас тут одна работа и забота: беречь себя. Не ленись мыться, не ленись чиститься. А самое главное никакого лишнего общения между собой. Кто заболел – немедленно изолировать». Утром мылись, в обед мылись, вечером мылись, да все со щёлоком. А потом ещё уксусом натирались. Воду пили только кипячённую. Да посуду потом в больших котлах кипятили. Узнает командир, что ты ложку свою кому другому передал – сейчас же тебя в карцер на трое суток. Поутру постельки свои выносили проветривать да над дымом держали. Сами все прокоптились да уксусом пропахли. Вот и результат: ни один человек не помер, да ещё корабли построили. – Он понизил голос. – Тогда и стали поговаривать, что непростой человек наш Фёдор Фёдорович.

– А какой? – не понял я

– Святой! – многозначительно ответил Иван Дубовцев, и тут же воскликнул, взглянув в угол перед дверью: – Ой! Непорядок! Иконы нет. Надо образок поставить.

Он посмотрел с беспокойством на темнеющее небо в окошке и важно произнёс:

– Ваше благородие, вам пора спать.

– Рано ещё, – удивился я.

– Ничего не рано, – упрямо сказал матрос. – Завтра вас спозаранку подниму. На развод нельзя опаздывать. А развод у нас с первым лучом. А вам ещё чайку нужно будет попить, да умыться. Давайте, ложитесь. А я тут похозяйничаю.

Заснул я как-то сразу. Улёгся на жёсткий соломенный тюфяк. В открытое окошко залетал свежий морской ветерок. Кузнечики стрекотали. Матрос Иван Дубовцев во дворе чем-то шуршал, что-то начищал, напевая под нос какую-то заунывную песню.

– Вставайте, Ваше благородие!

Я очнулся, разлепил глаза. Не сразу понял, где нахожусь. Было темно. Слабо горела свечка. Узнал рябое лицо Ивана. Он внёс шумящий, булькающий самовар. Поставил его на стол.

– Вставайте, вставайте! – требовал он.

Помог мне умыться, быстро, умело одел и напоил чаем с горячими сырниками. Потом так же бесцеремонно вытолкнул меня на улицу, даже не дав толком причесаться.

– Букли мы не носим, – сказал он на ходу. – Это англичане да пруссаки вечно букли завивают.

Он шёл чуть сзади широким шагом, в белой матросской куртке и чёрной треуголке. Нёс мою шпагу.

Небо едва светлело. На море покачивались тёмные силуэты парусников. Фонари мерцали на баках. Но пристань кишела людьми, как растревоженный муравейник. Матросы садились в шлюпы. Грузёные подводы тащились вереницей по утренней дороге. На баркас по сходням грузчики таскали мешки.

– Святой Павел! – кричал офицер из одного шлюпа. – Святой Павел!

– Нам туда! – подтолкнул меня Иван.

– Долго спите, – упрекнул меня офицер, в котором я узнал Егора Метаксу.

– Прошу прощения, – пробормотал я, залезая в шлюпку.

– Святой Павел! – ещё раз крикнул Егор, взгляделся в пристань. Повернулся к матросам, сидевшим на вёслах, и приказал: – Отчалить! Весла на воду!

Шлюп покачулся и отплыл в море. Мы подошли к высокому кораблю с двумя рядами пушечных портов. С борта нам скинули трап. Я вскарабкался по скользким деревянным ступеням вслед за Егором. Как только я очутился на палубе, море вспыхнуло, и красный пылающий пузырь на горизонте полез из пучины, озаряя небо. На баке горнист заиграл сбор. Тут же из всех люков стали выбираться матросы в парусиновых бастрогах, широких штанах и черных шляпах. Вскоре они заполнили всю палубу, выстроившись вдоль бортов в две шеренги.

– Вам туда, к артиллерийским расчётам, – указал мой ординарец.

Майор, командующий артиллерией, поставил меня рядом с офицерами в светлых бежевых сюртуках с красными обшлагами и отворотами. Капитан корабля, горбоносый сорокалетний каперанг скомандовал «смирно!» – и все вокруг замерло. Даже такелаж старался скрипеть тише. И волны ласково лизали борта. На палубу вышел контр-адмирал Ушаков, твёрдо, уверенно. На светлом мундире сверкали орденские звёзды. Быстрым взглядом окинул команду.

– Рапорта! – приказал он.

Командиры отделений подбегали к нему и докладывали. Затем провели утреннюю молитву и церемонию поднятия Андреевского флага. После всем дано было распоряжение готовить корабль к дальнему плаванию: грузить припасы, и порох, проверять такелаж, устранять дефекты.

Меня тут же подозвал горбоносый каперанг и представился:

– Сарандинаки, Евстафий Павлович. Командую «Святым Павлом». Рад видеть вас в своей команде. – Говорил он с акцентом. Лицо выдавало в нем грека. Впрочем, я заметил, что греков много было среди офицерского состава. – Кратко введу вас в курс дела, – продолжал он. – Вы будете служить на этом прекрасном линейном корабле. Построен он по проекту известного конструктора Семена Ивановича Афанасьева на Николаевской верфи. Спущен на воду четыре года назад. Скоростные качества – отличные, хотя и тяжеловат в манёврах. Но сами понимаете: линейный корабль – это не рыбацкий баркас. Длина его семьдесят шесть аршин, ширина двадцать один с половиною аршина. Да! – с гордостью протянул он. – Вот, такая громадина. Экипаж – восемьсот семьдесят четыре, с вами – восемьсот семьдесят пять человек. По парусному вооружению вам рассказывать не буду, сами все узнаете, скажу только: три мачты. А, вот, по пушечному вооружению остановлюсь поподробнее. Корабль вооружён восьмьюдесятью четырьмя пушками. Значит так, запоминайте: На гондеке двадцать четыре тридцатифунтовых орудия и шесть однопудовых единорога; на опердеке двадцать шесть двадцатичетырехфунтовых пушки и так же шесть однопудовых единорогов; на шканцах и на баке двадцать две лёгких шестифунтовых пушек. Все ясно?

Он пристально посмотрел на меня.

– Если честно... , замялся я. – С пушками – понятно, а вот с баками и шканцами...

– Первый раз на корабле? – прямо спросил он, хитро прищуря один глаз.

– Первый, – честно ответил я.

– Море хоть раньше видели?

– Балтийское.

– Ах, да, вы же из Петербурга. Есть там такая лужа, – усмехнулся он. – Бывал, знаете, по службе. Ну, ничего, привыкните. Ваш ординарец, матроз Дубовцев, – калач тёртый – все вам расскажет и объяснит. Покажет ваше место в каюте, за столом в кают-компании, на построении, во время баталии и куда бежать при аврале.

– Позвольте узнать мою должность, – попросил я.

– Вот тут – загвоздка, – качнул он головой. – Офицеров у нас не хватает... Но офицеры нужны опытные. Море – штука коварная. Ошибок не прощает. Будете помогать интенданту от артиллерии и участвовать в десантных операциях. Адмирал просил вас на первых порах сильно

не нагружать, так что, вахты держать не будете. Вам ещё надо писать доклады в Петербург, – понизив голос, ехидно добавил он.

Я разозлился на его шуточный тон.

Нет, прошу назначать меня на вахты и прочие дежурства.

– Хочу вас предупредить, – холодно ответил он, гордо вздёрнув подбородок. – Морская служба немного иная, нежели сухопутная. Здесь излишняя горячность обычно приводит к беде. Главное – строго соблюдать приказы. Я их и соблюдаю. Сказано: не ставить вас на вахты – значит, так тому и быть. Идите!

Весь день шла погрузка. Одни за другим подходили баркасы с продовольствием и зарядами. По всему кораблю раздавался стук плотницких молотков. Паруса развёртывали и свёртывали. Канаты натягивали, сматывали, вновь натягивали. Все гремело, ухало и кричало, как будто корабль был живой.

Капитан поставили меня у люка в кюйт-камеру считать загружаемые бочки с порохом, ядра, гранаты, брандскугеля. Я все записывал угольным карандашом на лист серой бумаги.

Корабельная рында звякнула восемь раз. Боцман пронзительно свистнул в дудку и громко крикнул:

– Перерыв! Всем получить хлеб и сахар. Пить чай.

Работы тут же стихли. Матросы потянулись к камбузу.

– Простите, – обратился я к боцману. – Вы не могли бы мне показать корабль?

– С удовольствием, ваше превосходительство, – ответил круглолицый, краснощёкий здоровяк, чем-то напоминающий бобра. Шея небольшая, мощная, руки длинные, мускулистые. Ноги короткие, кривенькие, но сильные.

Я узнавал внутренний мир корабля, и удивление сменялось восхищением. Оказывается, устройство боевого судна весьма сложное и хорошо продуманное. Как объяснил мне боцман: на самом дне были плотно уложены друг к другу чугунные брусы весом восемь пудов каждый, сверху брусы полегче – четыре и два пуда.

– Для чего такая тяжесть? – удивился я.

– Балласт. Чтобы при сильном крене корабль не перевернуло, – объяснил он.

Трюм делился на отсеки из деревянных перегородок, называемые банками. Делалось это специально, чтобы во время качки чугунные брусы не перекатились на одну сторону. Сверху на чугунный балласт насыпали слой гравия и плотно утрамбовывали. На гравий клали бочки плотно друг к другу в три ряда. Нижний ряд – большие, средний ряд – чуть меньше, и верхний ряд – маленькие бочонки. Бочки наполняли пресной водой. Но в верхних бочонках хранили солонину и масло. Было и несколько бочонков с водкой. В пространство между бочками запикивали дрова для топки.

Около грот-мачты стояли ручные помпы.

– Как не конопать борта, не смоли, все равно забортная вода просачивается, – объяснял мой провожатый. – Для этого помпы и стоят: накопится немного – откачаем. А уж во время шторма или пробоины – так тут работа кипит.

Между трюмом и нижней палубой находился помост высотой, выше человеческого роста в две головы. Помост назывался кубриком. Сюда сгружали мешки с крупой и ящики с сухарями, кули с мукой и солью.

В носовой части корабля и в кормовой находились кюйт-камеры для хранения боезапаса. Они заполнялись просмолёнными бочонками с порохом. Ставились бочонки не абы как, а аккуратно на стеллажах и хорошо закреплялись. Носовая кюйт-камера называлась большой, кормовая – малой. Прямо в камерах стояли столы для изготовления картузов. В помещениях над кюйт-камерами аккуратно раскладывались артиллерийские принадлежности: ядра, гранаты, зажигательные трубки, кожи, кокоры, роги... Возле выходов из кюйт-камер устраива-

лись шкиперские кладовые, где хранились тенты, парусина, парусные нитки, линии, свайки, молотки, топоры, багры и другие судовые принадлежности.

Вдоль бортов в кубрике шли свободные проходы. Называли их галереи. Под страхом порки запрещалось захламлять галереи.

– Только оставь что-нибудь, – строго говорил боцман. – Увижу – сразу за борт выкину, да хоть вещи капитана.

– Почему так строго? – спросил я.

– Проходы специально для плотников устроены. Вдруг пробойна. Плотники должны вмиг добежать и заделать. А если плотник споткнётся, да упадёт, да инструмент уронит? Так-то!

– А что в средней палубе кубрика? – поинтересовался я. – Почему такое большое помещение пустует?

Боцман снял шляпу и перекрестился.

Сюда во время боя раненых сносим. Здесь наш фельдшер хозяйничает, что мясник в разделочной, дай Бог ему здоровья. – Надел шляпу. – Ну, пойдёмте дальше.

– А вот здесь, – указал он на небольшое помещение перед кормовой крыйт-камерой, и лицо его расплылось в довольной улыбке, – капитанский погребок. Здесь хранится провиант для офицеров. Видите, и песочек на пол свежий насыпали. Тут и вино есть, и сладости.... Хотя, офицеров не балуют в море. Едят то, что и матросы. Но иногда, на праздники кок отпирает этот погребок и готовит шикарные блюда.

На нижней палубе, ближе к носовой части болтались подвесные койки. Здесь отдыхали от вахт матросы. За грот-мачтой располагались каюты артиллерийских офицеров и штурманов. Там же была и моя узкая койка с соломенным топчаном. За стенкой, тесная корабельная канцелярия с письменным столом и множеством шкафов, запирающихся на замки. Напротив канцелярии находилась оружейная комната с абордажным и стрелковым оружием. Вторая оружейная комната располагалась возле бизань-мачты. Оружейные комнаты охранялись караульными матросами.

В кормовой части, на опердеке находились более просторные каюты капитана и старших офицеров. Там же была кают-компания. Под шканцами слева – каюты мичманов и гардемарин, а справа располагался небольшой храм, и там же жил корабельный священник, важный черноротый поп, по слухам, привезённый самим адмиралом из далёкого северного монастыря.

В носовой части под баком...

– Даже я сюда без проса нос не сую, – предупредил меня боцман. – Камбуз! – произнёс он важно. – А с другой стороны – лазарет.

– А это что за клетки? – указал я на верхнюю палубу между большим и малым шпилем.

– Для живности, – ответил мой проводник. – Сейчас сюда уток, кур, гусей привезут. Поросят иногда берём. Как без мяса в море?

– Вот это – грот-мачта, похлопал он широкой мозолистой ладонью по гладкому стволу. – Самая большая мачта. Видите, древесина какая качественная? Ни сучка, ни свиля. От грота мачты к корме идут шканцы. На шканцах, что главное? – спросил он и сам же ответил: – Судовой компас! – делая ударение на последний слог. – Или – нактоуз. Без него в море – никуда.

– А я читал, что у пиратов нет компасов, – вставил я.

– Они, в основном – каботажники, – ответил на это боцман. – Берега знают, как свои пять пальцев, – а в открытое море выходить бояться. Зачем им компасы?

Между фок-мачтой и грот-мачтой находились ростры, такие подставки для шляпок и запасного рангоута. По бортам были натянуты сетки, в которых находились свёрнутые койки.

– Вот, теперь самое главное! – поднял он торжествующе указательный перст к небу. – Артиллерия! Самые тяжёлые орудия стоят на нижней палубе, или гондеке, пушки среднего калибра – на верхней палубе, а самые лёгкие орудия – на баке и шканцах. Лафеты крепятся к

бортам талями и брюками – вон теми толстыми просмолёнными канатами. Те медные кольца, к которым крепятся брюки, называются рымами. Запоминайте, лейтенант: под орудийными лафетами лежат ломы и ганшпуги, а под пушками – банники, приборники и пыжевники. Ганшпуги – вон те деревянные рычаги для изменения прицела пушек при стрельбе. Приборники служат для досылания заряда в ствол, пыжевники, вон, на штопор похожие – для удаления остатков пыжа, а банники – в виде ерша – для чистки канала ствола.

– Ну, это я знаю. Сам артиллерист, – слегка обиделся я, однако, боцман, как будто не услышал моё замечание.

Возле каждой пушки стояли пирамидки из ядер. Пирамидки ограждали кранцы из толстого стального каната. Нижние ядра для устойчивости лежали на специальных досках с углублениями. Все выверено до миллиметра. Орудия вычищены до блеска и смазаны пушечным салом.

– А зачем так крепко пушки привязаны к бортам? Их же очень сложно отвязывать.

– Сложно? – удивился он. – Для матроза ничего сложного не существует. Фёдор Фёдорович так вымуштровал канониров, они пушку к бою за минуту готовят. А представьте себе, если корабль попадёт в шторм. Видели, какие шторма бывают на море?

– Нет, – пожал я плечами.

То-то! Судно швыряет, как щепку. И если во время такой болтанки срывает пушку с места, она кувыркается по палубе, как лиса в курятнике, ломая все, что попадается на пути. Представьте: вот такая громадина, – он похлопал по самому большому орудью, – летит от одного борта к другому, а вы тут. Бац! И ни одной целой кости не останется!

– Вот и все, на сегодня, – подвёл итог боцман, громко свистнул в дудку и закричал: – Кончай перерыв! За работу!

– Как дела, лейтенант? – подошел ко мне артиллерийский майор.

– С погрузкой почти закончили, – отрапортовал я, показывая исписанные листы.

Он взглянул на листы, внимательно посмотрел, как матросы проталкивают в трюм мешки с пушечными пыжами. Вдруг на лице его отразилась тревога.

– Стоять! – скомандовал он, и достал из мешка пыж, скрученный из пенькового каната. Повертел его в руках и легко разорвал. – Это что такое? – набросился он на меня. – Вы что принимаете?

– Не могу знать, – растерялся я.

– А знать надо! За такие вещи на гауптвахту загремите. – Крикнул в люк крюйт-камеры. – Все мешки с пыжами поднять наверх.

– Что раскричались, Иван Анатольевич? – окликнул его капитан Сарандинаки.

– А вот что, Евстафий Павлович! – Майор достал из мешка второй пыж и с лёгкостью разодрал его в клочья. – Пыжи гнилые. Требую: интенданта – под суд.

Тем временем прибежал интендант. Он был высокий и сухой, похожий на циркуль. Его юное лицо с едва пробившимися усиками перекошил страх.

– Ах, это вы, сударь? Что за безобразие? – майор совал ему в нос куски пыжа. – Заставить вас вот этим забить пушку?

– Ничего не понимаю? – лепетал интендант. – Все проверjali.

– Тогда откуда вот это гнилье? – напирал на него майор.

Тем временем наверх подняли ещё восемь мешков с пыжами. Майор залезал в каждый и проверял пыжи. Но во всех мешках пыжи оказались прочные.

– Вот видите, только один мешок, – с облегчением выдохнул интендант. – Случайно попал... Может, из старых запасов...

– Прошу прощения за грубость, – понизив голос, обратился к нему майор, но впредь прошу не присылать мне барахло на корабль. Иначе пойдёте под суд.

– Будет исправлено, – пообещал интендант и быстренько убрался с судна обратно на грузовой баркас.

– В другой раз будьте внимательны, – сказал мне майор уже спокойнее. – Вы же артиллерист и знаете, что в нашем деле каждая мелочь важна. Вот так будем раскалёнными ядрами стрелять. Попадётся гнилой пыж и прогорит. Что будет?

– Орудие разорвёт, – сообразил я.

–То-то! – и он, полез в кюйт-камеру лично проверить порядок.

– Теперь он за вас возьмётся, – сказал мне капитан и сочувственно похлопал по плечу. – Вы уж постарайтесь больше не огорчать майора. Он у нас человек жёсткий.

После погрузки был краткий обед из бобовой похлёбки и рыбы. В тесной кают-компании все ели жадно, быстро и молча. Лишь иногда кто-то в полголоса просил соседа передать хлеб или солонку. Во второй половине дня корабль чистили, драили, натирали, подкрашивали, подбивали, выскабливали. . .

Меня отправили в трюм следить за чисткой и перестановкой груза. Матрос Иван Дубовцев мне очень пригодился. Он подсказывал, как лучше ставить бочонки с порохом, чтобы во время качки не попадали; и куда складывать ядра: потом удобнее их поднимать к пушечным палубам. Впрочем, матросы и без моего руководства складывали все умело, крепили надёжно.

К закату экипажи покинул корабли. Остались только вахтенные команды.

* * *

Среди ночи меня поднял Дубовцев.

– Только что посыльный был, – сказал он, натягивая на меня сюртук, и помогая вдеть ноги в сапоги. – Всем офицерам приказано немедленно явиться в штаб.

Возле штаба ярко пылали факела. В здании были зажжены люстры. Офицеры толпились на улице, жужжали, словно растревоженный улей. Я наткнулся на лейтенанта Метаксу.

– Егор Павлович, что происходит? – спросил я.

– Сам не знаю, – пожал он плечами. – Говорят, французский флот обнаружили.

– Близко?

– Вряд ли. Не успели бы они так быстро подойти. Но, всякое может быть.

Вскоре всех пригласили в зал офицерского собрания.

– Господа офицеры! – сказал Ушаков. – Прошу прощения, что поднял вас в столь неурочный час. Но вести пришедшие из Средиземного моря требуют срочных решений. Французский флот беспрепятственно вышел из портов в составе семидесяти двух военных судов и четырёхсот транспортных. Каким образом хваленая английская разведка не заметила отплытия столь огромной флотилии – одному Богу известно. Но не в том суть. Французская эскадра подошла к острову Мальта и взяла его без всякого сопротивления.

Офицеры зашумели:

– Как же это? На Мальте неприступная крепость. Отличная артиллерия. Гарнизон большой.

– Вот, так, – развёл руками Ушаков. – Уж не знаю, чем кавалеров мальтийского ордена так напугал бригадный генерал Наполеон, но магистр Фердинанд Гомпеш сдал Ла-Валетте без единого выстрела. По всему видно, дальше эскадра двинется к Корфу, а затем к Константинополю. Посему приказываю экипажам в полном составе прибыть на корабли. Быть готовым по первому же сигналу выйти в море. Береговой артиллерии подготовиться для отражения атаки с моря.

Хозяин продал мне за рубль и три копейки отличный деревянный рундук с оббитыми медью уголками. Закрывался он плотно. Даже если сей рундук окажется в море, то вода внутрь не просочится. Имелись скобы для навесного замка и крепкие петли. Мы с Дубовцевым уложили в него все мои вещи и отправили на корабль.

К полудню приказали всем офицерам срочно явиться в штаб. Адмирал объявил:

– Из Петербурга прибыла срочная депеша. Господа офицеры, как это не странно звучит, но нам приказано выдвигаться к Константинополю.

После недолгого замешательства, штаб взорвался возгласами:

– Ура! Идём брать Константинополь! Наконец то! Порты за все ответит!

– Не совсем так, господа, – остудил воинственный порыв Ушаков. Оглядел всех внимательно. Пожал плечами. Несмело продолжил: – Приказано вступить в союз с Турцией и совместно сражаться против французов.

Радость сразу утихла. Уступило место недоумению и растерянности.

– Это как же так? – спросил каперанг Сенявин. – Не могли бы вы, Фёдор Фёдорович, разъяснить ещё раз. В союзе с турками мы должны воевать против французов?

– Точно так, – кивнул Ушаков.

– Но французы всегда поддерживали Турцию в войне против России. Половина флота османов построена в Марсели или в Тулоне. Французы пушками их снабжали. Многие артиллерийские офицеры в османском флоте из французов...

– Согласен с вами. Сам в недоумении, – развёл руками Ушаков. – Но вот, недавно получил письмо от нашего посла из Константинополя, Василия Степановича Томара. Он мне пытается объяснить странное поведение султана Селима. Султан напуган идеями французской республики. Есть уверенность, что восставший против Блистательной Порты видинский паша Пасван-Оглу финансировался и снабжался оружием через французского посланника. Пугает султана и слишком деятельный бригадный генерал Наполеона. Боится, что тот вместо союзничества начнёт отбирать территории Османской империи. У него есть опасения, что на Ионических островах Франция готовит плацдарм для вторжения на Балканы. Италию французы уже захватили, могут оттяпать Грецию, Македонию и Болгарию. Французские гарнизоны стоят не только на Корфу, но и в прибрежных городах Парге и Превезе. Есть опасение, что Янинский Али-паша может переметнуться на сторону французов.

– Ещё интересная новость, – торжественно сказал Ушаков. – В связи с захватом французской революционной армией острова Мальта, Орден Святого Иоанна Иерусалимского обратился к российскому императору с просьбой предоставить убежище его рыцарям. На самого же Императора Павла Петровича возложен сан Великого Магистра! – Император стал главой ордена? – удивились офицеры.

– Обо всем этом вам расскажет генерал Уваров. Он только что прибыл из Петербурга.

Высокий, хорошо сложенный генерал с красивым, слегка вытянутым лицом вышел вперёд и сделал быстрый поклон.

– Честь имею, господа офицеры. Прибыл только что с донесением от самого императора. Отныне на гербе России Мальтийский крест. А сама остров Мальта является частью Российской империи.

– Расскажите нам подробнее, что произошла в Петербурге, – попросил Ушаков.

– Император с благословения Папы Римского организовал Российско-католический приорат ордена Иоанна Иерусалимского.

– Интересно, – задумчиво покачал головой Ушаков.

– Великим приором российским поставлен принц Конде, – продолжал генерал Уваров. – Чрезвычайным послом мальтийского ордена назначен граф Лета. Ордену передан в дар Воронцовский дворец.

– Здесь написано, – сказал Ушаков, показывая письмо. – Святые дары, а вместе с ними резиденция ордена Святого Иоанна Иерусалимского перенесены в Петербург.

– Да, действительно, святые дары торжественно переданы на хранение в Петербург, – подтвердил Уваров.

– Расскажите, как все это происходило, – попросил Ушаков.

– Представьте, к Зимнему дворцу подкатило сорок карет в сопровождении всадников в латах и плащах с мальтийскими крестами. Поистине – торжественное зрелище. Император, принял графа Лета в тронном зале, и тот передал ему предложение возложить на себя титул протектора ордена. Нынче все в Петербурге стремятся вступить в рыцарство. Большие командорские кресты уже получил граф Безбородко, князь Куракин, Великий князь Александр. Вот и вам, Фёдор Фёдорович я обязан торжественно передать сию награду. – Генерал всем показал бархатную алую подушечку, на которой возлежал белый мальтийский крест, украшенный чёрной лентой. – Отныне, вы комендор Мальтийского ордена.

Присутствующий на собрании батюшка со «Святого Павла» перекрестился и громко про-
басил:

– Прости, Господи. Орден же этот – католический. А император-то наш из православных. Что же это творится, господа?

– Мало того, – продолжал Уваров, – император Российский, в связи с оккупацией безбожными войсками священного Ватикана, предлагает Высокий престол перенести в столицу России.

– Ватикан в Россию? – чуть не задохнулся от гнева батюшка, замахал руками, как птица крыльями. Ничего не смог произнести, кроме: – Ну, господа, это что же твориться? Теперь нам всем в католическую веру осталось податься?

Все кругом заспорили: хорошо это или плохо.

– Петербург станет центром Мира, центром Европы! – восхищались одни.

– Все это – провокация, – убеждали другие. – Европа всегда ненавидела Россию. Из русских торгашей не сделать.

– Господа! – утихомирил офицеров Ушаков. – Не наше это дело – спорить о политике. Наше дело – защищать отечество. О политике пусть заботятся те, кому это доверено Богом. Нам предстоит дальний поход. Прошу завтра представить рапорта о состоянии кораблей и экипажей. Составить требование по боеприпасам, провианту и парусному вооружению.

* * *

Следующие две недели проходили в подготовке к походу. Я как-то не вписывался в общую работу. Ничего не понимал в морском деле. Чтобы я зря не болтался под ногами, меня загружали письменной работой: копии рапортов, списки личного состава, отчёты корабельной комиссии... В штабе мне выделили стол, обитый зелёным сукном, чернильный прибор с перьями и стопку чистой бумаги, серые штабные конверты, и подсвечник с дюжиной свечей, так, как приходилось засиживаться допоздна. Я впал в уныние.

Терпеть не мог всю эту канцелярию. В Питере она мне надоела до чёртиков, теперь и здесь приходилось тем же заниматься. Мне тоже хотелось готовить корабельную артиллерию, проверять комплекты к орудиям, подсчитывать заряды, участвовать в пробных стрельбах...

– Лейтенант Добров, вы же ни разу не готовили корабли к походу, – говорил сурово Ушаков, терпеливо выслушивая моё нытьё. – А вдруг что перепутаете или не досчитаете. Море ошибок не прощает. Вот, поживёте с нами с полгодика, послужите – тогда другое дело. А сейчас – марш в штаб!

Матрос Дубовцев бегал по моим поручениям. Что б я без него делал? Словно нянька заботился обо мне: что бы я голодным не остался, что бы лёг вовремя. Платье вычистит и выгладит. Исподнее белье у прачки свежее каждый день приносил... В штабе жара невозможная, Дубовцев с кувшином холодного морса бежит. Дождь зарядит, а мне домой надо, так он кибитку крытую находит. Вечером и утром – всегда самовар горячий. Полотенце чистое, мыла кусок, бритва отведённая.

Как-то я работал над списком личного состава: кто выписан из госпиталя, кто направлен на лечение. Духота стояла нестерпимая. Солнце пробивало тяжёлые портьеры на окнах. Открытые настежь двери не спасали от духоты. Буквы расплывались перед глазами. За шиво-

рот тѣк горячий пот. Я не выдержал, встал, отдернул портьеру и подставил лицо горячему ветру. А там, за окном плескалось море. В бухте лениво покачивались корабли. Чайки с пронзительным криком носились над волнами. Эх! – подумалось. – Пробежаться бы босиком по горячей гальке, скинуть с себя все, да нырнуть поглубже в прохладную воду.

– Мечтаем? – сзади раздались уверенные шаги. Я обернулся. В штаб вошёл Ушаков с тремя офицерами: Сенявин, Метакса, Сарандинаки. Вдруг, адмирал остановился и повернулся ко мне.

– Добров, эскадра отправляется в длительное плавание. Что вам приказывал император? Все время быть при моем штабе?

– Так точно.

– Но вы же не морской человек. Выдержите? На кораблях тяжкая служба.

– Разве у меня есть выбор?

– Предположим, я могу составить рапорт, что вы заболели.

– Это – обман, – заартачился я.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

– Поймите, Добров, мне лишние люди в море не нужны. От каждого требую – максимум пользы. Вы же были на корабле. Каждый уголок, каждая полочка для чего-то приспособлена. Куда вас деть?

Возникло чувство обиды, похожее на то, когда я маленький хотел играть с деревенскими парнями в лапту, а мне говорили, что я ещё не дорос, и меня ненароком могут зашибить.

– Я постараюсь быть полезным. Вы же комплектуете команды рекрутами, – нашёлся я.

– Так они матрозы или гардемарины. А вы – офицер. Звание ваше обязывает в случае выхода из строя кого из офицерского состава – заменить его. Сможете командовать матрозами, а может быть целым судном?

Мне совсем стало не по себе. Конечно же, не смогу. Конечно же, я ни черта не смыслю в морском деле. Но я же в состоянии всему научиться. Я же не тупой. А что я буду делать в опустевшем городе? Останусь на берегу. Буду днями просиживать в штабе и переписывать рапорта? Я так хотел в море, вместе со всеми. Я полюбил море. Полюбил корабли. Они мен казались огромными богатырями, грозными, надёжными... И – все! Остаюсь на берегу... Обидно до слез.

Возле нас возник лейтенант Метакса.

– Дозвольте обратиться? – попросил он.

– А, Егор, – дружески похлопал его по плечу Ушаков. – Вот – настоящий моряк. Так он через все прошёл: битвы, шторма, муштру.... Ну, говори, что хотел?

– Дозвольте взять шефство над Добровым.

– Чего? – удивился Ушаков.

– Он исполнительный офицер. Физически вынослив. И языкам обучен. Я из него за месяц сделаю морского волка.

– Кого? Волка? Сам-то ещё волчонок.

– Добров – человек надёжный. Такие офицеры в море всегда нужны. Хотя бы определить его к морским гренадерам.

Ушаков долго и внимательно глядел, то на меня, то на Егора.

– Хорошо, – согласился адмирал. У меня даже сердце на миг остановилось. – Но учти, лейтенант Метакса: Добров оплошает – вдвоём у меня получать будете. – И показал Егору свой огромный кулак. – Сечь лично буду.

– Спасибо огромное! – прошептал я, когда тяжёлые шаги адмирала стихли за дверью кабинета. – Даже не знаю, как благодарить вас.

– Так-то, – весело сказал Метакса. – Вы уж не оплошайте.

Меня ещё ни разу не секли.

Вечером, укладываясь на койку в тесной каюте, я спросил у Егора Метаксы:

– Почему так тянет в море?

– Не всех, – ответил он. – Только смелых. Море – это что? Это – тайна. Загадочная синяя даль. Опасность. Некоторые моря боятся – пуше смерти. А иные – жить без него не могут. Заметил, в Севастополе сколько матрозов отставных живут. Их выключают с флота: – Иди, родимый, в свою деревню, к своему барину, да доживай спокойно в честных трудах. Так нет же, все, как один твердят: – Дозвольте остаться хотя бы полгода. Хоть в складах или на заготовках. Оставляют их. Так они с рапортами приходят, опять в матрозы просятся.

– А я смогу смириться с морем, как ты думаешь?

– Ох и беспокойный же ты, Семён, – рассмеялся Метакса. – Почём же я знаю? Смиришься.

– Тебе хорошо говорить. Ты на островах родился, считай – в море. А я море только сейчас увидел. А вдруг оно меня не примет.

– Примет! – уверенно ответил Егор. – Вон, адмирал наш тоже из Ярославской губернии, а море как его любит? Ни одного корабля не потерял. – Егор повернулся ко мне. Его глаза так и сверкали во тьме. – Бывает, такой шторм бушует, такой ливень зарядит, ветер паруса рвёт. Все корабли по бухтам прячутся, а Фёдор Фёдорович приказывает в море выходить. Помолится вместе с командой.... Смотришь: и волна утихла, и ливень уже не ливень, а так – дождик слабый, и ветер – кораблю в подмогу.

– Ох, и сказочник ты, Егор.

– Сказочник? – обиделся он и отвернулся. – В море выйдем – увидишь.

К турецким берегам

Ранним летним утро, тринадцатого августа, при небольшом волнении, эскадра вышла в море. В состав экспедиции входили шесть линейных кораблей, семь фрегатов и три авизо. Я был просто вне себя от нахлынувших чувств, когда паруса с хлопком расправлялись, вбирая в себя попутный ветер; когда почувствовал, как корабль ожил, набирая скорость, и режет волны; как палуба вздымается, словно стремится в небо и падает в бездну. Дух захватывало, когда при повороте, корабль кренился, стонали снасти, кряхтели мачты. Канаты пели, словно басовые струны. Матросы, кошками, взбирались по вантам. Я удивлялся, как же слаженно вахтенные работают с парусами. Только мичман даст команду, и уже каждый знает, куда ему бежать, за что хвататься, какой канат ослаблять, какой натягивать. А за кормой пенился бурун. Чайки неотступно следовали за кораблём. Вдруг из воды выпрыгнули две огромные рыбыны. Сверкнув черными мокрыми телами, описали дугу в воздухе и вновь нырнули в пучину.

– Кто это? – в ужасе закричал я, отпрыгивая от борта. – Они без чешуи. У них кожа. Ты видел? Морские дьяволы? – звал я Дубовцева.

Он расхохотался:

– Это же – дельфины.

– Дельфины? Разве они такие? – я немного успокоился.

– А какими им ещё быть?

– Я читал, что есть такие существа, – вспомнил я. – Бывали случаи, они спасали тонущих.

– Так они же – наши братья, – втолковывал матрос, удивляясь моей неосведомлённости. –

А разве брат брата не спасёт?

Я взобрался по вантам и во все глаза смотрел на бескрайнее море, катящиеся навстречу гребни волн, парящих чаек, на корабли, красиво идущие следом. Вот так чудо! Чайка поравнялась со мной и парила, вертя чёрной головой.

– Смотри, Иван, смотри! – кричал я сверху. Я сейчас её достану. – И протянул руку, но птица резко ушла в сторону.

– Ой, не свалитесь, ваше благородие! – озабоченно крикнул матрос.

– Лейтенант Добров, – усмехнулся капитан Сарандинаки с мостика, – да вы, я вижу с морской душой.

– Вот, это все..., все, – показал я на морскую безбрежную гладь, – это так чудесно!

– Ну, ну, – скептически сказал капитан, пыхнув трубкой. – Посмотрим, что вы скажете при первом шторме.

Вскоре со мной стало твориться что-то неладное. Иногда у меня вдруг начинала кружиться голова, вспыхивали радужные круги перед глазами, подташнивало, но я не обращал на это внимания. Руки начали слабнуть. Я спустился на палубу.

– А почему матрозы так чаек любят? – спросил я у Дубовцева.

– Так ведь! – воскликнул он. – Ну, вы даёте! Чайка – это же! Ну, это же.... Ой! Представьте, корабль в шторм попал посреди моря. Болтает его – месяц!

– Что, целый месяц?

– А то! Всякое бывает. Мачты сломало, воды пресной нет. Люди измотаны, больные. Уже молятся о смерти скорейшей. Берега нигде нет. Все! Представьте!

– Ну, постараюсь.

– А тут вдруг чайка!

– Не понимаю, – признался я.

– Чайки от берега далеко не летают. Вот она, прилетела, вестник спасения. Берег близко.

– Вот оно что!

– Конечно! Моряки на чайку молятся: не улетай! Покажи путь!

Мимо меня сновали матросы. Однажды чуть с ног не сбили, неся скрученную парусину.
– Лейтенант Добров, – недовольно окликнул меня капитан. – Что рот раззявили? Не мешайтесь под ногами.

– Что прикажете делать?

– Марш на гондек! Проверьте крепление пушек.

– Есть!

Я мигом спустился по трапу на нижнюю пушечную палубу. А здесь и проверять нечего. Такого идеального порядка я ещё нигде не встречал. Дневальный доложил, что происшествий не было. Царил сумрак, и было очень душно. Я для важности стал проверять крепления лафетов, надёжно ли закрыты пушечные порты, хорошо ли уложены ядра.... И вдруг мне показалось, что палуба ускользает из-под ног. Звуки становились то слишком громкие, то еле различимые. Перед глазами все поплыло, все предметы становились большими, неимоверно большими, но вдруг резко уменьшались. По лбу, по спине заструился горячий пот. Из желудка поднялась кисло-горькая волна. Я, шатаюсь, направился к трапу, попытался вскарабкаться, но руки ослабли настолько, что я не смог удержаться и упал на карачки, стукнувшись лбом о ступеньку. Меня тут же вывернуло.

– Ваше благородие! – закричал вахтенный матрос. – Эх, ма! Никак болтунчика схватили? Эй, там, наверху! Помогите лейтенантика вытащить на воздух.

Меня подхватили крепкие руки и чуть ли не вынесли на верхнюю палубу. Я перегнулся через борт и долго опорожнял желудок. Матрос Иван Дубовцев крепко держал меня за шиворот. При каждом взлёте корабля меня вдавливало в борт, и, казалось, переломит пополам, а после тело становилось невесомым, и я парил в воздухе.

– В лазарет! – приказал капитан.

Корабельный лекарь влил в меня какую-то солёную кислятину, отчего желудок перестал бунтовать.

– Я умираю? – испуганно прохрипел я, цепляясь за лекаря.

– Вот ещё! Умирать он вздумал! – недовольно пробурчал седовласый немец. – Успеете, сударь. А сейчас – снотворного – и спать.

Иван Дубовцев, дотащил меня до койки, стянул сапоги, стащил сюртук. Как только голова коснулась жёсткой подушки, меня закружило, завертело, и я тут же провалился в пучину сна. Спал я долго. Иногда просыпался, оттого, что падал на пол. Пытаясь понять, что происходит, я открывал глаза, тарасился в темноту. Каюта кувыркалась. Меня швыряло от стенки к стенке. Смутно помню, как открылась дверь. Лицо обдало мелкими брызгами. Дубовцев мокрыми холодными руками взвалил меня обратно на кровать и крепко привязал верёвками, чтобы я опять не свалился на пол.

Проснулся ослабленный и голодный, как будто после долгой зимней болезни. С трудом отвязал верёвки, оделся и, держась за перегородку, вышел на палубу. Стоял тихий ясный августовский день. Солнце жарило. Дул лёгкий ветерок. Море едва подёрнулось рябью.

– Ожили, лейтенант? – окинул меня внимательным взглядом майор артиллерист. Он посасывал закопчённую пеньковую трубку, выпуская из носа клубы дыма, словно дракон. – Как себя чувствуете?

– Благодарю, не очень, – проскулил я.

Наш корабль плыл первым, убрав половину парусов. Сзади неровным строем в три колонны шли остальные суда.

– Сколько же я проспал?

– Да вы не волнуйтесь, Добров, – усмехнулся майор. – Мы без вас вполне справились. Тут такой шторм разыгрался, чуть бушприт не потеряли. Но, слава Богу, ни один корабль не затонул. Вы сходите лучше на камбуз, да поешьте хорошенько. Чайку горячего хлебните. Вы, вон какой бледный, – смотреть жутко.

Матрос Иван Дубовцев поймал меня на пути к камбузу и отвёл в кают-компанию. Усадил за стол. Принёс жареной рыбы, сухарей и чаю.

Одного взгляда на еду хватило, чтобы желудок вновь начал бунтовать.

– Не могу есть, – пожаловался я.

– Это сейчас исправим! – сказал невозмутимый Дубовцев, убежал и вновь появился с тарелочкой, на которой лежали ломтики лимона. Заставил меня сжевать пару кислых долек. После этого я принялся за рыбу.

– Барабулька. Черноморская, – объяснял мне Дубовцев. – Вкуснее рыбы не бывает.

– Пересоленная, – сказал я.

– Это так надо, – успокоил меня мой матрос-опекун.

После еды стало немного легче, и я направился к адмиралу. Нашёл его на квартердеке. Он обсуждал с капитаном Сарандинаки курс эскадры.

– Корабли сильно разметало во время шторма, – докладывал капитан. – Но сейчас эскадра в сборе.

– Есть сильные повреждения? – спрашивал Адмирал.

– Исправим своими силами, – заверил его Сарандинаки. – Вот, только на линейном «Святая Троица» – руль сорвало. Ави́зо «Святая Ирина» потрепало. Сильная течь.

– Прошу вас созвать военный совет. Пусть капитаны придут с докладами о состоянии кораблей. Если есть сильные повреждения на каком из кораблей, надо их отправлять обратно в Севастополь, – решил адмирал. – Пусть отремонтируются, как следует, и догонят нас.

Ушаков заметил меня.

– Рад видеть вас в здравии, Добров, – добродушно улыбнулся он.

– Мне ужасно стыдно, господа, – сказал я. – Я не оправдал вашего доверия.

Адмирал и капитан рассмеялись.

– Не стоит так убиваться, – махнул рукой Ушаков. – Обычное дело с новичками. Мы все через это прошли.

– Правда? – удивился я. – Быть такого не может.

– Да, вы не переживайте, – сказал капитан. – Не один вы такой. Пятерых матросов разболтало, а гардемарины – все поголовно слегли. До сих пор к борту бегают морского козла дразнят.

– Коль выздоровели, – сказал Ушаков, – занимайтесь должностными обязанностями.

Работа – лучшее лекарство от всякой хвори.

* * *

Спустя десять дней эскадра подошла к Босфору, или как ещё его называли: Дарданеллы Константинопольского пролива. Зелёные берега сползали к морю, как будто хотели напиться. Вершины холмов покрывали густые рощи. На склонах ровными рядами росли виноградники. Попадалось множество усадеб, окружённых садами. Небольшие селения. Белые домики с плоскими крышами. Свечки минаретов торчали ввысь. Торговые корабли под флагами разных стран плыли навстречу. Стаи цапель, отдыхали в затонах. При нашем приближении птицы взмывали в воздух огромными тучами, заслоняя солнце. Дельфины кружили у самых бортов.

Тут же был отослан ави́зо «Панагия» в Константинополь к русскому послу с донесением. На следующий день пришёл ответ с приглашением: войти в турецкие воды.

– Посмотрите, – сказал Ушаков капитану Сарандинаки, передавая ему подзорную трубу. – Подходим к Константинопольскому каналу?

– Прикажете прямым курсом к Царьграду?

– Не стоит. Давайте бросим якорь напротив Буюктера, – приказал адмирал.

Городок Буюктер оказался чистым, утопавшим в зелени садов. Здесь в основном располагались загородные дома иностранных дипломатов. Поэтому городок выглядел больше евро-

пейским, нежели азиатским. Но были и турецкие улицы. Домики теснились на склонах, будто опята на пне.

Кое-где торчали башенки минаретов.

Как только мы подошли к Буюктеру, народ облепил берега. Местным туркам хотелось посмотреть на непобедимую эскадру Ушакова. На берегах Босфора столько ходило легенд о бесстрашном адмирале Ушак-паше, что его считали за волшебника, повелителя бурь.

– Они что, кораблей не видели? – удивился я.

– Кораблей здесь полно, – сказал Егор Метакса. – Представьте, местные турки много лет живут в страхе, что со дня на день сюда войдёт русская эскадра, и тогда не будет никому пощады. Со всех сдерут кожу и скормят собакам.

Вот, мы и появились, но теперь, как союзники.

С набережной нам махали шляпами и платками, кричали приветствий. Мы отвечали салютом из малого калибра. Множество лодок и небольших торговых судов устремились к нам. Совсем дёшево предлагали фрукты, сладости, напитки.

– Фёдор Фёдорович! – Капитан Сарандинаки чуть заметно указал кивком в сторону небольшой шебеки под косыми парусами. – Смотрите-ка. Видите, вон, того торговца на носу, который так внимательно разглядывает наши корабли.

– Вижу. Действительно странно, – заметил Ушаков. – Одет он просто, а вокруг него не меньше дюжины янычар.

– Уж не сам султан Селим решил тайно посетить нас? – предположил капитан.

– Решил инкогнито оценить наши силы? Ну, что ж. Пусть смотрит. Дайте салют в честь него из носовых орудий.

Шебека с таинственным торговцем медленно прошла вдоль шеренги кораблей. Повернула обратно. Султан спустился в каюту, не желая привлекать к себе внимания.

* * *

Ушаков разрешил мне возглавить караул из морских гренадёров, пока мы будем стоять на якоре. Парусами управлять не надо, поэтому на вахте достаточно было роты гренадёров для охраны корабля. Во время моей дневной вахты причалил пакетбот. С пакетбота поднялся посыльный и потребовал срочно Адмирала. Я доложил Ушакову. Время было обеденное. Но посыльный сто раз мне сказал, что донесение срочное. Пришлось отрывать Ушакова от трапезы.

Адмирал вскрыл пакет прямо в кают-компании, где обедал с офицерами. Пробежался глазами по строчкам.

– Господа, советую прекратить жевать, иначе подавитесь, – сказал он. Стук ложек тут же стих. – Ерунда какая-то. Бригадный генерал Наполеон высадил французский экспедиционный корпус вблизи Каира.

– Египет? – неуверенно спросил капитан Сарандинаки.

– Египет, – подтвердил Ушаков. – Прошу к вечеру собрать всех капитанов у меня в каюте. Похоже, наши планы резко меняются.

* * *

– Прибыла почта, – объявил вахтенный офицер.

Егор Метакса принял пачку конвертов, рассортировал: что для адмирала, что для офицеров.

– Ах, вот вы, какой, Семён Иванович, – усмехнулся лейтенант фельдъегерской службы. – Я вроде бы всех офицеров помню по именам. А тут письма везу, читаю, какому-то Доброву.

– Письма, мне? – обрадовался я.

– Да. Представьте, вся сумка почтовая пропахла от них духами, – засмеялся он.

– Полно вам шутить, – смутился я.

– Простите, – пожал он плечами и вручил целых четыре конверта.

– Откуда этот чудный дух, господа, – засмеялся Егор Метакса, и все стали шумно втягивать воздух носами, при этом охать и ахать. Среди запахов солёной рыбы, ружейной смазки и прогорклого масла, вдруг возник аромат сирени и фиалок.

Я покраснел. Аромат исходил от моих конвертов. Вскоре все носы оказались вокруг меня.

– Ну, конечно! Кому ещё могут прийти такие письма. Ох, Добров! Покоритель красоток.

– Ну, что вы, господа, – оправдывался я. – Всего лишь одно письмо от воспитанницы Смолненского института.

Я вскрыл конверт. Счастья не было предела. Как же давно я не получал письма от Софьи. Она писала, что отец хочет выдать её замуж за местного генерала. Меня эта весть сильно огорчила. Но Софья дальше подробно рассказывала, как всеми способами пытается отказаться от замужества. Грозил отцу, что сбежит в монастырь. А ещё лучше – переоденется в мужское платье и последует за мной в Крым.

– Если не секрет, Семён, скажите, что за Диана держит в плену ваше сердце? – осторожно спросил Егор.

– Вряд ли вы её знаете, – пожал я плечами. – Софья фон Пален.

– Маленькая Софи? Почему же? Я её хорошо знаю, – ошарашил он меня. – После выпуска из морского корпуса в девяностом, меня частенько приглашала к себе баронесса фон Ган. Я помню этого восьмилетнего лисёнка. Хитрющая, юркая, вечно заливалась звонким смехом. Баронесса в ней души не чаяла. Она по-прежнему носит косички?

– Ей уже пятнадцать, – сказал я, смущаясь. – Ни разу не видел у неё косичек.

– Ах, простите, я позабыл, что минуло столько лет. Но не буду вас больше отвлекать. Читайте.

Дальше в письме шли описания событий, происходящих с Софьей: учёба, праздники, ссоры с подругами, примирения и прочая безделица. Я долго не выпускал письмо из рук. Читал бы и перечитывал. Но все же заставил себя вложить листок обратно в конверт и приступить к следующим письмам.

Второе письмо оказалось от самого фон Палена, в котором он меня отчитал в дурном влиянии на его дочь. Все старшие дочери его слушаются, и Софья раньше была кроткой и послушной, но как только дошло дело до, нет, даже не женитьбы, а намёка на женитьбу, девочку словно подменили. Превратилась в фурию: дерзит, грозит черт знает чем, того и гляди выкинет какую-нибудь глупость. Начали выяснять причину столь дерзкого поведения... Так вот оно что! Добров! Но в конце письма он вдруг смягчился, написал: что делать, коль Богу так угодно. Пусть выходит замуж по любви. Но вы, Добров, ох, уж у меня смотрите! Чтобы вернулись с ногами, с руками и с обоими глазами.

Милая Софья! Как же мне её не хватает! Одного взгляда, одного слова, одной улыбки...

От третьего конверта пахнуло весной, жасмином и ландышем. Адресат значился: Княгиня Е. На душе стало беспокойно. Вскрыл конверт. Письмо от Елены Павловны. С первых же строк она меня уверяла, что пишет тайно, и никто не должен прочесть её послание. Я внимательно осмотрел конверт. По неровной кромке было понятно, что его уже вскрывали. Елена Павловна уверяла, что не желала мне зла. Узнав о моей ссылке, она на коленях умоляла отца смягчить наказание. Рыдала, клялась, что во всем виновата только она. Но ничего не помогло. Мне сало грустно. Бедная девочка, она даже толком не знает причину моей опалы. В конце просила прощения за свою глупость.

Я хотел тут же ей ответить, написать всю правду, успокоить. В моих приключениях нет ни грамма её вины... Но четвёртый конверт остудил мой пыл. Так знакомый мне штабной конверт серого мышинного цвета. Такие же, будучи в Петербурге, я десятками, каждый день разносил по адресатам с приказами и уведомлениями. Письмо было от Аракчеева. Сухим, канцелярским слогом он сообщал, что император доволен моими докладами. Мне обещано повышение

оклада и ускоренное получение следующего звания. На втором листе он ясно дал понять, что ему известно содержание письма Елены Павловны, и чтобы я не вздумал ей отвечать.

* * *

К борту «Святого Павла» пристал турецкий пакетбот. На палубу поднялось посольство во главе с драгоманом адмиралтейства. Высокий чернобородый турок в пёстрой одежде и с огненным взглядом передал Ушакову слова приветствия от султана Селима. Преподнёс подарок в виде золотой табакерки, на крышке которой искрились бриллианты.

Через несколько дней состоялась первая встреча с турецким адмиралтейством. Важные «Крокодилы морей» прибыли в Буюктер. В саду дома российского посольства были расстелены ковры с кучами подушек. Слуги принесли блюда с фруктами, высокие медные кувшины с охлаждёнными напитками, раскурили кальяны.

Начались предварительные переговоры. Бывшие враги присматривались друг к другу. Перебрасывались комплементами. Задавали вежливо вопросы, о чем угодно, но не о предстоящем походе. Вскоре, издав далеко заговорили о деле. Осмелели и принялись обсуждать экспедицию. Турки хитрили, ставили условия, тут же меняли их. Но Фёдор Фёдорович обладал гибким умом и выдержкой. Прекрасно вёл партию, как в шахматах. На все вопросы представителей Блистательной Порты: а если будет так, Ушаков сразу же находил ответ: тогда поступим эдак. После очередных доводов, высказанных Ушаковым, турецкие адмиралы долго молчали, попыхая дымом из кальянов, потом удалялись на совещание в беседку, стоявшую в глубине сада. Громко долго спорили.

– Как же вы с ними ловко, Фёдор Фёдорович, – восхищённо сказал Егор, присутствующий на переговорах в роли переводчика.

– Постой, – остудил его радость Ушаков. – Самое трудное ещё впереди. Турки – народ упрямый, сам знаешь.

«Крокодилы морей» вернулись, объявили, что согласны отдать под командования Ушакова свои корабли. Но для заключения союза необходимо одобрение султана и духовенства.

Ушаков собрал в кают-компании капитанов и высших офицеров со всех русских кораблей. Меня и ещё двух адъютантов посадил записывать протокол. Я должен был переводить на немецкий язык. Рядом сидевший со мной мичман писал по-французски. Лейтенант Метакса записывал на греческом.

– И так, господа, – начал Ушаков. – Уже известно, что адмирал Нельсон разбил французский флот при Абукире. Но сделал это он слишком поздно: Бонапарт проскользнул мимо английских кораблей и спокойно высадился в Каире. Сейчас французы победоносно маршируют вглубь Египта, громя мамелюков. До этого Франция захватила Венецию, Ионические острова, Мальту, почти весь Апеннинский полуостров. Когда Наполеон завоюет страны Леванта, то Турция вынуждена будет перейти на его сторону, что нам ни в коем случае нельзя допустить. Если состоится союз Парижа и Константинополя, то все, что достигла Россия в турецких войнах, окажется под угрозой. Мы имеем двух мощных союзников в борьбе с Францией: Англию и Австрию. Но надо прекрасно понимать, что такие друзья очень ненадёжные. Что касается Турции – на неё ещё меньше надежды. Так что, действовать надо своим умом, и больше рассчитывать на собственные силы. Мы так же не можем опираться на руководство из Петербурга, потому как депеши приходят с большим опозданием. Исходя из этого факта, считаю себя вправе выбирать решения, сообразно обстановке. Прошу всех офицеров беспрекословно подчиняться мне. От наших совместных действий зависит успех похода и слава России. Я требую от вас строжайшего порядка, и вы должны требовать от подчинённых железной дисциплины. Впрочем, сами все прекрасно понимаете. Не забывайте: мы – часть России.

Ушаков и несколько офицеров, составляющих его штаб, собирались отплыть на пакетботе в Константинополь, для ведения дальнейших переговоров. Мне и лейтенанту Метаксе

было приказано тоже собираться и захватить письменные принадлежности. Я отправлялся на переговоры не как секретарь, а как доверенное лицо императора.

Огромный восточный город обосновался на холмах, сползая к морю вихляющими улочками. Загадочный Константинополь, древний Царьград встретил нас шумными пристанями. Кругом островерхими пиками торчали минареты. Над городом возвышался величественный купол Софийского собора, перестроенного в мечеть. Выдавались в море мрачные стены древних бастионов. Лишь только мы сошли на горячие каменные плиты пристани, как тут же нас окружили калеки, прося милостыни. Грозные янычары, встречавшие нас, пинками и плётками разогнали попрошаек.

Нашего прибытия ожидали степенные сановники, посланные султаном Селимом. Среди них был российский посол Василий Степанович Томара. Невысокого роста, крепкий, пятидесятилетний казак. Хоть штатский, но с военной выправкой.

– Какой чудесный город, – не сдержал я восклицания, когда мы проходили мимо огромной каменной чаши фонтана. Прозрачные струи били высоко вверх, освежая знойный воздух. Вокруг цвели удивительные деревья с кожистыми широкими листьями. Цветы нежно-розового оттенка, подобные лилиям.

– Город великий! – важно кивнул Томара. – Бывшая столица великого Константина. Турки нынче зовут его Стамбулом.

– Здесь так много фонтанов, – продолжал я восхищаться, заметив ещё один водоём, вокруг которого собрались горожане, спасаясь от жары.

– Более пятисот, – сказал Томара. – Да, да. По последним подсчётам. Султан периодически проводит перепись имущества города. Домов около ста тысяч. Мечетей: одиннадцать султанских и более двухсот общественных. Тридцать рынков. В городе до сих пор действует водопровод, построенный ещё римлянами.

– Кто же населяет сей многолюдный город? – поинтересовался Ушаков. – Подсчёты такие ведутся? Я вижу в толпе не только турок.

– Конечно, народностей много, – заверил его Томара. – Жителей около миллиона.

– Так уж и около миллиона? – не поверил Ушаков.

– Представить трудно, – ответил Томара, – Но это абсолютно точный подсчёт из последней переписи. Знаю точно, что среди жителей сто двадцать тысяч греков, девяносто тысяч армян, пятьдесят тысяч евреев, пять тысяч всевозможных европейцев. Остальные – магометане, но среди них кроме турок много и других народностей: персы, арабы, курды, зазы, албанцы... и ещё всякие племена.

– И как народ различают? По одежде? – спросил капитан Сенявин.

– По одежде, по акценту. Можно даже по обуви, – ответил Томара. – Приглядитесь, сапоги и туфли у всех разные: турки любят носить жёлтую обувь, греки – чёрную, армяне – красную, евреи – синюю.

Нас сопроводили во дворец султана, где в просторном зале был накрыт огромный стол.

– Господа, – предупредил нас Томара. – Никаких напитков не пейте, кроме вина и горячего чая. Будут предлагать соки, щербет – отказывайтесь. Никаких сладостей.

– Совсем ничего? – возмутились офицеры.

– Можно угоститься фруктами, но прежде, чем откусить от плода, окунайте его вон в те пиалы.

– А что в них?

– Уксус. Да, да! И не возражайте, если не хотите страдать от дизентерии или ещё чего похуже.

* * *

Начался второй раунд переговоров. От Блистательной Порты выступали: великий визирь, рейс эфенди и ещё несколько важных сановников в разноцветных чалмах и шёлковых хала-

тах, расшитых золотыми узорами. Появился и представитель от Великобритании, Спенсер Смит, чопорный носатый шотландец с пушистыми рыжими бакенбардами. Сперва обозначили направление удара. Было решено отвоевать у французов Ионические острова, чтобы устранить угрозу переброски вражеских войск на Апеннинский полуостров через Корфу и Занте.

Переговоры начались легко, о том: сколько кораблей и десанта предоставит Турция; возможность снабжения эскадры продовольствием, порохом и деревом для ремонта кораблей. Сначала Ушакову было предложено взять казну на содержание флота. Но адмирал отказался от денег и потребовал, чтобы эскадру снабжали натурально. Турки нехотя согласились. Выделили для этого военного комиссара Каймакана Калфоглу. Выписали ему султанские фирманы, с помощью которых он мог требовать от местных пашей продовольствие и иной помощи. Но как только коснулись темы статуса будущих отвоёванных территорий, сразу возникли трудности. Турция требовала безоговорочного присоединения Ионических островов к Османской империи.

Ушаков не соглашался, объясняя, что острова никогда Турции не принадлежали. На них живут православные греки, посему над островами возможно только ввести совместный протекторат России и Турции. Посланник Англии, Спенсер, занял странную выжидательную позицию и все твердил, что острова у французов, конечно, отвоевать надо, но нельзя забывать об эскадре Нельсона, ведущей блокаду побережья Египта. Ему нужна помощь. Требовал отрядить чуть ли не половину кораблей для поддержки английского флота. Турки были против, сообщив, что один из крупных французских отрядов подошел к границам Албании. Захватил прибрежные города: Паргу, Превезу, Вонницу и Бутринто. Наместник Янинский, Али-Паша, хоть и имеет сильную армию, но жалуется, что не в силах противостоять французам. Доходят сведения, что другой многочисленный отряд французов сосредоточился на берегах Венецианского залива и готов высадиться в Морее. Под пагубным влиянием якобинской заразы могут вспыхнуть восстание в Эпире, и дальше на Балканах. Египет потерять не жалко, – Балканы важнее. Споры длились долго, закончились безрезультатно.

Переговорщики разошлись, каждый при своём мнении.

Нам отвели отдельные покои во дворце. Комнаты с высокими потолками. Широкие окна от палящего солнца заслоняли деревья, поэтому в помещениях царила приятная прохлада.

– Ох, нехорошо как-то идут переговоры. Со скрипом. Словно телега несмазанная, – пожаловался посланник Томара. Показал Ушакову письмо, присланное из Петербурга. – От Адмиралтейств-коллегии.

– Что же предлагает мне Адмиралтейств-коллегия? – спросил Ушаков.

– Высокие чины коллегии весьма озабочены. Турция больше ста лет была союзником Франции в борьбе против России, – сказал посол. – Очень желательно надолго рассорить Париж и Константинополь. Вам рекомендуется не мешать действию турок на захваченных территориях. Всех пленных сдавать для отправки в Константинополь.

– Но как я буду предлагать условия капитуляции? – с возмущением спросил Ушаков. – Мы требуем сдать знамёна и шпаги, но в плен вас возьмут турки. Так что ли? На такие условия французы не пойдут. Всем известно, как поступают с пленными в Константинополе. Хорошо, если в подвалы посадят, а могут и на галерах приковать к вёслам. Французы будут стоять до смерти, нежели сдаваться туркам, – возражал Ушаков.

– Вы можете предлагать любые условия. Мы их будем соблюдать, – уговаривал его Томара. – Что касаясь турецкой стороны, то они всегда нарушали любые договоры. Вот, смотрите сами, что пишут из Петербурга: «...намерение высочайшего двора есть стараться чей можно более раздражить взаимно Порту и Францию, следственно, соблюдая с вашей стороны в рассуждении французов правила войны вообще принятые, не должно понуждать к соблюдению их турков. Пущай они, что хотят делают с французами, и турецкий начальник, хотя в самом деле вам подчинён, но в наружности товарищ, может поступать с ними как хочет, –

нарушение же капитуляции вам приписано быть не может, а вам обременяться пленными не следует и невозможно».

– То есть мне предлагается высаживать турецкий десант, но самому на сушу не соваться?

– Совершенно верно! Турки, известные своей жестокостью, будут грабить и убивать всех подряд, чем вызовут гнев Франции.

– Я не могу согласиться с Адмиралтейской коллегией по трём причинам, – отверг все предписания Ушаков.

– И по каким же? – уже начал раздражаться Томара.

– Во-первых – турки трусливые. Если высадка не удастся, и десант понесёт потери, их больше не заставишь идти на штурм. Вторая причина: турки будут грабить местное население, состоящее из православных греков. Я, как христианин, не могу допустить резни ни в чем не повинных людей. Третье...

– Что же третье? – краснея от гнева, спросил Томара.

– Третье – честь русского офицера. Ради неё я готов пожертвовать не только карьерой, но и жизнью. Честь – превыше всего. Уж извините. Без поддержки местных греков острова нам не взять – людей погубим и ничего не добьёмся. А чтобы островитяне нас поддержали, я должен обещать им свободу. Если я что-то обещаю, то слово держу.

– Но, послушайте, туркам нужна добыча. Они в войне всегда видят только способ обогащения. Как вы их удержите на голодном довольствии?

– Это – моё дело. Не желаете видеть меня во главе флота – пригласите адмирала Мордвинова. Он согласится на все условия, погубит флот и запятнает позором Россию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.